

V

О ПОМАЗАНИИ

**Вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас;
но самое сие помазание учит вас всему.**

Первое послание Иоанна
2:27

**Вложу закон Мой во внутренность их
и на сердцах их напишу его.**

Книга пророка Иеремии
31:33

Изучая в предыдущей главе апофатическое* богословие с его главным орудием — резцом, мы показали, что отрицательное богословие как универсальный метод — весьма пагубный и богохульный путь. Однако если путь отрицаний столь нечестив, то, быть может, нам следует идти катафатическим* путем, путем положительных силлогизмов и утвердительных суждений? Но ведь этот путь несет в себе те же несправедливые черты, и явствует это из той самой аллегории с изготовлением золотого тельца. На первый взгляд кажется, что катафатическое богословие уж никак не может привести нас к бредовым высказываниям, подобным лже-Дионисиевым заключениям, что Бог бессловесен, не является истиной, не обладает могуществом и никак не связан со светом. Наоборот, мы положительно знаем, что Бог — Всеблаг, Всемиловит, Всеведущ, Всемогуш, Вездесущ и так далее. Однако к правильным утверждениям мы приходим вовсе не из-за непогрешимости катафатического пути как такового. Сам по себе катафатический путь может привести к богохульствам не лучше Дионисиевых.

Действительно, хотя катафатический путь богопознания не приводит к таким очевидно вопиющим лжеучениям, как апология мрака, он столь же часто приводит к заблуждениям. Другое дело, что катафатические заключения о Боге выглядят «доказательно» и «убедительно». Разве пресловутое единосущие Отца и Сына, «подкрепленное» и «обоснованное» словами Иисуса «Я и Отец — одно» (Ин 10:30), явилось результатом апофатических размышлений о Всевышнем?!

Главным недостатком катафатического метода является склонность к «забычивости» или пренебрежению в отношении учета, прибавления того, что неудобно. Например, если к «Я и Отец — одно» прибавить «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф 27:46), то с единосущием возникали бы весьма серьезные проблемы. Что это за единая сущность такая, которая то «одно» с Богом, то оставлена Богом?!

Арианское* подобносущие ничем не лучше, ибо высосано из другого пальца той же катафатической руки и представляет не менее бессмысленный пример «положительного» умствования.

Да что там единосущие! Что там подобносущие! Весь догмат* о Пресвятой Троице — результат катафатического «сбора информации» о Боге. При этом авторов «положительных» суждений нисколько не смущал тот факт, что сии «положительные» суждения обесмысливают даже богоданные заповеди: непознаваемую и непостижимую по своей природе Троицу невозможно возлюбить ни всем разумением (Мф 22:37; Мк 12:30; Лк 10:27), ни его половиной, ни какой-либо

иной частью разума. Антиномия* оказывается предрешенным финалом катафатического богословия.

О подобных результатах положительных суждений о Боге Маймонид* высказывался так: «Все это не более чем произносимые слова, которые существуют в речи, но не в уме, — и уж тем более они не существуют вне ума. Однако, как известно тебе, да и всякому, кто себя не обманывает, их защищают посредством многословия и разукрашенных аналогий, подкрепляют воплями и поношениями, а также многообразными приемами, замешанными на диалектике* и софистике*. Когда же провозглашающий [подобные воззрения] и защищающий их такими способами наедине с самим собой продумает вновь свои убеждения, то он не найдет в них ничего, кроме путаницы и недомыслия. Ведь он желает сделать сущим то, чего нет в действительности, и создать среднее между двумя противоположностями, между которыми нет среднего... Тем не менее они вынуждены были прибегнуть к этому из-за... привязанности к понятиям, *порождаемым воображением*» (Путеводитель 1.51).

А католическое чистилище разве является плодом развития теорий лже-Ареопагита? Да мало ли еще бреда, полученного как результат положительных суждений по человеческому разумению, возведено в ранг догматов! И уж во всяком случае, катафатическое богословие не может привести человека к познанию Бога: «Можешь ли ты исследованием найти Бога?» (Иов 11:7). Риторика этого вопроса столь прозрачна, что мы не видим смысла посвящать критике катафатического метода хоть сколько-нибудь заметное место в нашей книге.

При помощи катафатического (и апофатического) метода можно сделать лишь малые шажки в познании или сформулировать познание, полученное такими путями, которые и не снились Аарону, бросившему обработанное резцом золото в огонь, так что вышел телец. Иначе говоря, не все достигается в богопознании отрицаниями и утверждениями. Но это мягко сказано!

Занимаясь в предыдущей главе в основном критикой апофатического пути Богопознания, мы, сославшись на Афинагорово* «Прощение о христианах» и на Иустинovo* «Диалог с Трифоном Иудеем», подчеркнули лишь то, что Богопознание невозможно без воли Бога, учения Христа и наставления Святого Духа, что сам по себе, без Бога, человек действительно неспособен познать Бога. Однако это не является законченным ответом на вопрос, каким же Богопознание должно быть. Ниже мы постараемся восполнить этот недостаток, рассказать, каким истинное Богопознание *только и может* быть.

1.1

С древних времен человек жил мечтою о мире и гармонии. С древних времен человечество влекла мечта о золотом веке. С древних времен человек мечтал о долгих годах или даже о вечной жизни. И с древних времен ключом к обретению всех сих благ представлялась мудрость. Одним из наиболее назидательных примеров такого представления о мудрости в Библии является история обретения мудрости царем Соломоном (3 Цар 3:5–14). Вот какие слова находим мы в книге Премудрости Соломона: «Я молился, и дарован мне разум; я взывал, и сошел на меня дух премудрости... вместе с нею пришли ко мне все блага и несметное богатство через руки ее» (Прем 7:7–11).

Однако далеко не каждому дано достичь того, чего достиг царь Соломон, — человек не мог найти ни мира, ни гармонии, ни изобилия, ни мудрости вокруг себя. И вера в существование всех этих благ гнала человека в его поисках все дальше и дальше. Это «дальше и дальше» вырождалось двояко, о чем история человечества накопила достаточно опыта. Попробуем порассуждать об этом, как говорил Павел, по человеческому разумению.

Начав с первого из направлений этой гонки за призраком, мы увидим, что стремление к мудрости связывалось с попытками ее поиска в глубинах древности. Человеку свойственно было идеализировать прошлое, представляя себе источник ответов на свои вопросы, в зависимости от личных симпатий и антипатий, то ли в тайнах цивилизаций американских майя и инков, то ли древнего Египта. Внимание же иных было обращено к уже и вовсе бесследно исчезнувшим культурам — таким как легендарная и таинственная Атлантида, еще со времен Платона приковывавшая к себе взоры ищущих, но существующая больше в их фантазиях и мечтах. И уж, конечно, христианам всегда было свойственно идеализировать протохристианство: уж кто кто, а Иоанн Златоуст или тем более Мария Магдалена должны-де знать все!

Практически не имела четко очерченной грани с таким направлением поисков, ибо в основании своем имела все тот же мотив идеализации дальнего источника, и попытка отыскать мудрость и истину в учениях далеких народов, хотя в известном смысле такое направление поиска может подразумевать попытки удовлетворения духовной жажды из источника, чья древность зачастую не идет ни в какое сравнение с древностью тайн Египта или Герметического учения. Пример последнего рода может являть собой ислам, традиции которого на пять веков моложе христианства.

Традиции, традиции, традиции...

Культура, называемая человечеством, просто больна этим представлением. Всё спасение, панацея от всех бед, видится именно и только в сохранении, восстановлении, а то и просто в реанимации мертвых традиций. Но если стремление к реанимации традиций Гермеса или Пифагора оказывается наиболее острой формой этой болезни, то недуг сей может иметь и латентные, хронические формы. Таковыми и являются позывы, связанные с традициями христианства.

Знакомый уже нам Владимир Эрн* как-то написал: «Традиция страшна и опасна тем, что, всем авторитетом надавливаясь на исследователя, она заставляет не только решать вопросы в определенном, уже заранее обозначенном *направлении*, но влияет решающим образом и на саму их постановку. Она слишком часто обезличивает эти вопросы, делает их какими-то вопросами „вообще“... вопросы „вообще“ несомненно удобнее, спокойнее и менее мучительны, чем вопросы в частности, на которые ответить не так-то легко... От этого соблазна уберегаются слишком немногие». Эрн, конечно, никогда не сказал бы такого о церковном предании. (За русским словом «предание» стоит латинское *traditio*.) Он имел в виду исследование исторической истины, но разве эти слова не применимы к поиску Истины?..

Казалось бы, что и объяснять?! — Человеку указан путь (Ин 14:6) и цель, стремиться к коей нужно не иначе, как «забывая заднее и простираясь вперед» (Флп 3:13), отдельно заповедано: «Не обращай назад. Вспоминайте жену Лотову» (Лк 17:31–32). Но всё — как об стенку горох.

Оборачиваясь назад к традициям — а традиция это всегда взгляд назад и никогда вперед, — идеализируя их, человек, хотя и не хочет этого признавать, полностью капитулирует перед силами, препятствующими отыскать мудрость и источник всех благ совсем в другом месте. Человек отказывается искать все, в чем нуждается, рядом. Он уходит все дальше и дальше от истинного источника и подобно Лотовой жене превращается в мертвый соляной столб...

С тех же пор, как XX век смел географические и языковые барьеры информации, стремление к идеализации представления о мудрости как о субстанции, хранимой где-то далеко, только усилилось. Все это сделало до предела явной экстернальность типа помыслов о мудрости, вновь и вновь утверждая правоту Иисусовых слов: «Никакой пророк не принимается в своем отечестве» (Лк 4:24). В этой формуле между строк присутствует и другая мысль: «Никакой пророк не принимается в своем веке», даже если он и оказывается в конце концов принят в своем отечестве.

И вот все более частыми становятся переходы из христианства в буддизм и индуизм¹, а также обращения к эклектическим учениям, подобным теософии Блавацкой или йоге Шри Ауробиндо. Сказанное нами относится вовсе не только лишь к человеку западной культуры, которого при отказе от Христа нисколько не смущает тот факт, что подобным же образом растет число переходов и в христианство среди тех, кто вырос и был воспитан в традициях индуизма, буддизма, синтоизма, ибо и там, как оказывается, точно так же есть разочарованные, и там, как видно, справедливы слова о пророке в своем отечестве. Странно ли сие? Никак! Ибо в основе своей это явление имеет тенденцию стремления к *экстернальной* мудрости.

Несмотря на значительное подобие того, что происходит на Западе и на Востоке, как это описано нами, разочарование в том, что находится близко, на Западе имело своим следствием гораздо менее свойственное Востоку явление, название коему материализм, также претендующий на свое место под солнцем как инструмент поиска абсолютного знания. После того что написано нами в связи с Притчей о неверном управителе, нам, быть может, не стоило вновь упоминать об этом ответвлении древа мудрости, если бы именно через его посредство человек не открыл совершенно новый источник познания мудрости, природа которого имеет уже весьма мало общего с древностью — скорей наоборот. Но и он твердо стоит на почве отвержения истинного источника мудрости. Мы говорим о той фактически ставшей некоей уродливой пародией на религию причудливой смеси науки с суеверием, коя уповает на мудрость и спасение, могущие быть принесенными человечеству всяческими внеземными цивилизациями, пресловутым космическим сверхразумом и пришельцами с далеких планет и из других измерений.

Не нам и не на страницах этой книги судить, существуют ли все эти пришельцы и неопознанные летающие объекты, но заметим, что такой путь поиска мудрости — путь, опирающийся на внеземное ее происхождение, не выказал себя способным решить даже материальные задачи: ни дать указаний по поводу избавления человечества от проблем тех или иных заболеваний, ни в решении продовольственной или демографической проблемы, ни проблем хотя бы в одной технической области. С духовной же точки зрения информация, получаемая как бы от внеземного разума разного рода и ранга «контактерами», не превосходит уровня примитивного морализования, а по сравнению с мудростью закона и пророков, не говоря уже об Учении Христа, просто является несвязным детским лепетом. Так что и по этой причине мы не хотим обсуждать в нашей книге проблемы такого источника мудрости, и в наших глазах он не заслуживает более того, что мы о нем написали.

Мы начали с упоминания о стремлении отыскать мудрость в древних цивилизациях и традициях, и это назвали первым направлением поиска мудрости. Но вот другой стороной оказываются попытки поиска ее в дальних внеземных цивилизациях. Это и есть другое направление, хотя на самом-то деле оба эти направления ведут в одну сторону — *от* мудрости и *от* истины. И результат один — заблуждения и соблазны. Не потому ли, что человек пытается воспользоваться всеми средствами, кроме одного единственно верного? Ибо человек пытается найти искомое чисто *экстернально* — вне себя, отвергнув тот источник мудрости, который сущ в нем самом — *интернально*.

Подобное положение было бы трудно утвердить, если бы в нашей первой книге мы не открыли учения о внутреннем человеке и о Христе как субстанции, или по-гречески ипостаси, существующей внутри человека.

---

¹ На самом деле перейти собственно в индуизм из христианства или откуда бы то ни было еще нельзя (ибо неопита не причислить ни к какой касте). Но можно стать кришнаитом.

1.2

Обратимся теперь к одной небиблейской, но назидательной, восточной притче, содержащей великую мудрость, согласную и со Священным Писанием.

Некий юноша возжелал обрести мудрость. В поисках учителя он обошел многие края, расспрашивая всякого встречного, нет ли в их городе тех, кто и его мог бы научить мудрости. Но все его поиски были тщетны. Никто не знал о мудрецах ничего. Но как-то раз некая старая женщина посоветовала ему поискать в пустыне старика-отшельника, о котором она слышала, будто он есть единственный мудрец на многие дни пути вокруг. Долго блуждал юноша по пустыне, прежде нежели нашел мудреца того. А найдя, обратился с заветной просьбой, говоря ему: «Господин, научи меня мудрости, которой ты, как все знают, обладаешь». Старец, однако, даже не поднял головы, казалось, и не слыша обращенных к нему слов. Юноша ушел, но на другой день пришел к старцу вновь, смиренно, но настойчиво вопрошая: «Господин, что должен делать я, дабы обрести мудрость?» Но отшельник и на этот раз не удостоил его ответа. Юноша опять вынужден был уйти ни с чем. Тогда юноша пришел и на третий день, повторив свой вопрос. Тут только, наконец, старец вроде заметил его. Он поднялся и, ни слова не говоря, направился к реке. Молча сделав юноше знак следовать за собой, он вошел в воду. Дойдя до глубины, когда вода достигла горла, мудрец внезапно схватил юношу за волосы и нагнул его голову, продолжая держать его под водой, несмотря на попытки того освободиться. Когда же юноша стал терять силы, старик отпустил его и, после того как дыхание того выровнялось, впервые заговорил с ним.

— Сын мой,— спросил мудрец,— когда ты был под водой, чего желал ты более всего на свете?

— О, господин,— ответил юноша не задумываясь,— я хотел воздуха... только воздуха!

— А не хотелось ли тебе, сын мой, богатства, власти, славы, успеха у женщин, удовольствий? Не думал ли ты обо всем этом? — спросил старик.

— Нет, господин,— ответил юноша без тени сомнения,— я желал лишь воздуха и думал лишь о нем.

— Тогда,— сказал мудрец,— чтоб стать мудрым, ты должен возжелать мудрости с такою же силою, с какой ты только что желал воздуха. И ты должен хотеть ее, имея столь же мало сомнений в ее превосходстве над всеми благами мира сего. В жизни твоей она должна стать единственным устремлением и днем и ночью. И если ты будешь хотеть ее, как воздуха, она обязательно обратится к тебе, и ты станешь мудрым...

Вероятно, стоит хотя бы кратко обратить внимание на обстоятельства сей небиблейской притчи. Одним из таковых является та настойчивость, с которой юноша ищет мудрости, являя собой, вероятно, даже не будучи христианином, достойный пример следования заповеди Иисуса: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и вам отворят; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Мф 7:7–8; Лк 11:9–10).

В сей притче отчетливо звучит и тема, развивавшаяся нами в первой книге, тема необходимости осознания своего несовершенства, неимения, незнания, дабы затем через это познать нечто: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф 5:6). Добавим: горе считающим себя сытыми и удовлетворенными, ибо правда не откроется им.

Определенное место в свете предшествующего повествования занимают и такие нюансы, как безмолвие старика, трехкратное обращение к нему юноши, и даже то, что путь к старцу был указан юноше женщиной, — хотя она его ничему не научила. Мы сможем увидеть и смысл того, что юноша искал мудрости в городах, а нашел ответ на свой вопрос в пустыне. Некто, быть может, увидит и в погружении юноши в воду образ очищающего крещения в водах Иордана. Все это весьма важные наблюдения.

Но есть в сей притче аспект, едва ли имеющий для нашего рассказа преходящую ценность. Ведь юноша подобно всему человечеству описанным выше образом пытался найти мудрость вовне — в дальних краях и странах. А что оказалось в итоге?.. Разве старик послал его в некую новую страну, где сия мудрость могла бы быть обретена? Разве он послал его туда, где научился мудрости сам?

Ясно, что последние слова старика делают саму такую постановку вопроса бессмысленной. Однако старик и сам не открыл юноше никакой мудрости. Ведь если бы он сделал это, то юноша как раз получил бы мудрость внешним образом, и оказалось бы, что юноша смог отыскать мудрость в мире, хотя бы и из уст вышедшего из мира отшельника-мудреца. Но нет! И старик не открывает юноше мудрости! Фактически отшельник повторил юноше слова пророка: «Не ищите Вефиля, и не ходите в Галгал, и в Вирсавию не странствуйте; ибо Галгал весь пойдет в плен, и Вефилъ обратится в ничто» (Ам 5:5). На самом деле в устах немногословного старца отчетливо звучит мысль о том, что все необходимое для достижения мудрости юноша имеет с собой, и ему не нужно ничего иного, кроме как захотеть мудрости, как воздуха.

Спросим теперь: отвечает ли такой вывод учению Христа? Если бы мы усомнились в сем соответствии, то нам пришлось бы усомниться и в словах Иоанна Богослова: «Вы не имаете нужды, чтобы кто учил вас; но... сие помазание учит вас всему» (1 Ин 2:27). То есть и для христианина источник научения и мудрости таков, что не требуется странствовать по городам и весям для вкушения от него, но он постоянно находится вместе с человеком, внутри человека, — захоти с достаточной силой, и — вот он: «Премудрость светла и неувядающа, и *легко* созерцается любящими ее; она [даже] упреждает желание познать ее. Помышлять о ней уже есть совершенство разума, и бодрствующий ради нее скоро освободится от забот» (Прем 6:12–15)... Мы лишь дерзнули бы уточнить: совершенство разума в том, чтобы *постоянно* помышлять о премудрости, не перемежая сие помышлениями о славе мира сего.

2

Для более тщательного исследования об источнике внутреннего научения мудрости нам нужно вспомнить сразу несколько мотивов, уже звучавших в нашей работе. В исследовании этой темы главным из воспоминаний, конечно, являются слова о вселении Христа в сердце: «Да даст вам [Бог], по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши» (Еф 3:16–17). А вселение Христа в сердце есть единственный способ осознать в себе и Бога. Ведь Христос — Единный (и единственный) посредник меж Богом и человеком. Без Христа в сердце — как можно говорить о Боге в нас?

Итак, верою вселиться Христу в сердца ваши... Обратим особое внимание, что способом вселения оказывается *вера*. А есть ли другой путь восприятия Христа в сердце?

Так и слушающие Иисуса спрашивали: «Что нам делать?.. Иисус сказал им в ответ: вот, дело Божие, чтобы вы *веровали* в Того, Кого Он послал» (Ин 8:29). Воистину не сказать лучше: Что делать, чтобы познать Христа в сердце? — Верить! Вот *дело* Божие!

Однако вера, через которую происходит вселение Христа в сердце, как мы могли сие показать, непроста, и требуется отличать веру истинную (ср. Ин 14:12), от такой веры, когда человек обманывает себя и других, выдавая желаемое за действительное. Веру необходимо отличать от суеверия. Но суеверие — слишком мягко сказано. Если только не понимать суеверие так, как понимал его Григорий Сковорода, который ставит суеверие хуже вздорных и нелепых книг, заблуждений, расколов, и даже безбожия, называя его заразительнейшей язвой¹. Под суеверием Григорий Саввич понимает слепую привязанность к плотским образам, отвергающую духовное богочашие.

Отвлечемся на мгновение на тему скверны, греха. Для этого освежим в памяти Павловы слова о грехе, который может быть опять-таки определен через веру: «Все, что *не по вере*, грех» (Рим 14:23). Такими словами легко соблазниться. Конечно, когда человек *сам перед собой* поступает против своей веры, то сам себя и осуждает как грешника. Но отдадим себе отчет, что не всякая вера делает безгрешным *перед Богом* того, кто по своей собственной вере поступает, может быть, и правильно. Конечно же потому, что сама вера такого человека имеет пороки. «Чему кто верит и на что надеется, то и почитает. Суевер суеверному верит» (Г. С. Сковорода. Silenus Alcibiadis 4).

В том-то и дело, что, с одной стороны слова «вера», «верить», а с другой стороны, «верный» в смысле правды, правдивости, праведности, действительности и даже истинности имеют один и тот же корень. Мы имеем в виду греческий язык (πίστις — πιστεύω — πιστός), а то, что корни этих слов совпадают и в русском языке есть второстепенное обстоятельство.

Так что же есть вера, если она неверна?! То есть вера только тогда и становится собственно *верой*, когда она верна. И только такую веру мы должны видеть в словах: «Все, что не по вере, грех». И что же тогда грех, если вера осквернена? Да сама такая вера и есть грех! Искупаемый ли это грех? Да, Кровию Христовой, ибо откровением Духа Святого, Который научает всему и напоминает все, исправляется порок! Так что не только познание, но и вера возрастает у обладающих сим даром.

Вопрос различения веры далеко не так прост, как это может показаться на первый взгляд. И он столь важен, что, подвергаясь, а на такое мог пойти только Иоанн, риску быть обвиненным в нетвердости веры, Иоанн дает ясный критерий для требуемого различения веры: «Кто сохраняет заповеди Его [Бога], тот пребывает в Нем, и Он в том, а что Он пребывает в нас, *узнаем* (γινώσκωμεν) по Духу, Который Он [Бог] дал Нам» (1 Ин 3:24); «Что мы пребываем в Нем [Бог] и Он в нас, узнаем из того, что Он дал нам от Духа Своего» (1 Ин 4:13).

Обращаем внимание читателя, насколько естественно выражается тут принцип «верою познаём». Во вселение Христа в сердце наше мы *верим*, дабы Он верою вселился. Верим мы потому, что не знаем. Ибо если бы мы знали это, то к чему бы нам тогда и верить? (Верит ли читатель в таблицу умножения?) Но ведь вера, пусть даже без знания, только тогда и может называться верою, когда она влечет за собой «осуществление ожидаемого». И постольку поскольку вера истинна, а не суетна, Иисус Христос на самом деле обнаруживается в нас, делается явным. Обнаруживаемое делается явным в свете знания. Знание же это в ведении того, что Бог «дал нам от Духа Своего». И по этому признаку мы и *познаём*, что Христос вселился в сердце. Верою познаём... Если же мы верим *не в то* или *не так*, то никакого познания не произойдет.

Повторим еще раз: «узнаем по Духу», «узнаем из того, что Он дал нам от Духа Своего». Но ведь и говоря о вселении Христа в сердце, мы никуда не уйдем от этого, — и там речь шла об

---

¹ Мы не приводим здесь конкретной ссылки, ибо все творчество Сковороды проникнуто этой мыслью.

утверждении Бога «Духом Его во внутреннем человеке» (Еф 3:16). Иначе говоря, вселение Христа в сердце верующего настолько неразрывно связано с дарами Духа Святого, что по последним можно проверять самое вселение Христа.

Теперь взглянем на исследуемый вопрос с точки зрения рождения свыше, превращения раба в сына, осознающего божественность своего Отца. Сие рождение свыше подобным образом связано с дарами Святого Духа «ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии» (Рим 8:14). То есть помазание (*χρῖσμα* — *хрисма*) Духом Святым и восприятие Христа в сердце суть просто разные следствия Единой Причины, разные стороны одного и того же явления. Мы бы даже дерзнули сказать не явления, а Богоявления.

Ну а до рождения (свыше) какое может быть Богоявление?! Ведь человек еще не жив. Он — мертв и Духом Божиим водим быть никак не может. О внутреннем научении для такого неживотворенного мертвого еще человека (ср. Еф 2:5) вопрос не стоит. У него нет иного, лучшего пути научения, нежели традиции. *Мертвые* традиции, заметим.

Что же получается? — Мертвые (по преступлениям и грехам) (ср. Еф 2:1) оборачиваются назад к мертвым же делам (ср. Евр 6:1; 9:14) традиций. Мертвые обращаются к мертвому. Мертвые заботятся о своих мертвецах и хранят¹ своих мертвецов... Надемся читатель понял, что мы, быть может, с непростительным опозданием истолковали весьма спорную с точки зрения буквального понимания заповедь: «Иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф 8:22; Лк 9:60).

Но вернемся к живым и их связи с Духом. Рассуждая на эту тему, трудно обойти вниманием тот факт, что Ерм, автор знаменитого «Пастыря», не делает никакого различия между Сыном Божиим и Духом Святым, что естественно кажется традиционному богословию странным, составляющим чуть ли не ересь даже. Пастырь Ерм изъясняет: «Я хочу показать тебе все, что показал тебе Дух Святой, Который беседовал с тобой... *Дух Тот есть Сын Божий*» (Пастырь III.9:1).

И было бы странно, если бы Ерм остался единственным из раннехристианских писателей, не видевших разницы между Сыном или Словом и Духом Святым. Вот и Феофил Антиохийский, хоть не подчеркивает отсутствие разделения меж Словом и Духом, упоминает об Их эквивалентности как о чем-то само собой разумеющемся: «Слово... называется началом, потому что начальствует и владычествует над всем, что через Него создано. Оно [Слово] будучи Духом Божиим... сходило на пророков и через них глаголало о творении мира и о всем прочем» (2 Авт 10).

Может быть, о критерии того, что Он в нас, мы говорим и без того ясные для кого-то вещи, но их все-таки стоит сказать, в особенности если мы рассмотрим и обратную сторону сей медали. Ибо сделанное выше заключение имеет свое логическое продолжение в двух печальных для кое-кого следствиях.

Первое состоит в том, что если кто думает, полагает — хотя может и называть это словом «верит», — что Христос вселился в сердце его, но при этом не имеет от Духа ничего из того, что перечислено, к примеру Павлом (1 Кор 12:8–10), — значит, это зря названо верой, но более подходят тут другие слова — «суеверие» или даже «соблазн». Опасно сие прежде всего потому, что такой человек, обольщаясь в отношении присутствия в сердце своем Христа, не алчет, не жаждет, не стремится никуда, считая себя уже раз и навсегда спасенным, насыщенным и не имеющим ни в чем недостатка.

Вторая пилюля еще более горька, ибо заключает в себе то положение, что если человек, даже называясь христианином, обладает тем, что с той или иной степенью уверенности может

¹ Не беремся судить о случайности или закономерности созвучия в русском языке глаголов «хранить» в смысле «беречь» и «хоронить» как «погребать», но в греческом «хранить» и «погребать» — разные глаголы.

быть опознано по данным Павлом признакам даров Святого Духа, но притом отрицает наличие Христа в себе, распинает «Сына Божия в себе» (Евр 6:6), тщась соединиться с чем-то внешним, то есть все основания усомниться в высшем происхождении его даров. Подлинный их источник, может стать, весьма от истины и святости далек. А прибавить к сказанному нужно не больше не меньше, как слова из Откровения: «Он... творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю пред людьми. И чудесами, которые дано было ему творить... он обольщает живущих на земле» (Отк 13:13–14). Обольщает же он весьма искусно, умея предстать Ангелом света.

Кто догадался, о ком идет речь, пусть не торопится нас осудить, а кто не догадался, пусть не огорчается, что мы пока почти ничего по сему поводу не добавили. Изъяснения — впереди.

Дабы несколько сгладить горечь последнего вывода, здесь, мы думаем, будет уместно привести и фрагмент из апокрифического Евангелия Филиппа, хотя на подробные рассуждения о смысле того, что сказано им нам понадобилось бы слишком много места. Тем не менее в нашем контексте слова сии уже до некоторой степени изъяснены, а позже читатель еще сможет вернуться к этому стиху, когда мы будем говорить об именах. Итак, Филипп: «Если некто опускается в воду, выходит оттуда, ничего не получив, [и] говорит: Я — христианин, — он взял имя в долг. Но если он получил Дух Святой, он имеет в качестве дара имя. Тот, кто получил дар, у того не отбирают его, тот же, кто взял в долг, его лишают его» (Филипп 59).

Итак, одна лишь *истинная* вера, вера во Христа в сердце, делает человека христианином, то есть помазанником Божиим, помазанником Духом Святым. И не потому ли Иисус из Назарета назван Христом, что Дух Божий сошел на Него!

Однако возвращаясь к рассуждениям о соблазнах вселения Христа в сердце, отметим такое немаловажное обстоятельство: пока Иисус пребывал во плоти во время Его земной жизни, Он не мог восприниматься учениками как находящийся в их сердце. Они должны были воспринимать Христа экстернально. Да они и не могли воспринимать Его интернально. Они просто не были к этому готовы. Они и не догадывались о возможности внутреннего научения от Христа.

Преградой была сама плоть Иисуса, а условием уничтожения преграды ко внутреннему учительству было распятие плоти Его. Как то написано у Павла: «Входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым, который Он вновь открыл нам через завесу, *то есть плоть Свою*» (Евр 10:19–20). Еще раз подчеркнем, что плоть Иисуса есть завеса на пути во святилище¹. И разорвалась завеса, как должен помнить читатель, тогда, когда Иисус умер на кресте.

Рассуждение это объясняет слова Его на Тайной вечери: «Вы слышали, что Я сказал вам: Иду от вас и приду к вам. Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду к Отцу» (Ин 14:28); «Но оттого, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше. Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел, ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам, а если пойду, то пошлю Его к вам» (Ин 16:6–7); «Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне» (Ин 15:26); «Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину... Вскоре вы не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня, ибо Я иду к Отцу» (Ин 16:13–16). И еще один стих очень

---

¹ Это толкование плоти как преграды, подлежащей уничтожению на пути во святилище, не единственно. Ведь Христос — воплотившееся Слово (Ин 1:14). Плотью же Божественного Слова является физическая форма — буква. Не перешагнув через мертвую букву, нельзя понять Дух Слова.

важен для нашего нынешнего повествования: «Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам» (Ин 14:26).

Все же обо всех учениках нельзя сказать, что они не понимали разницы между Христом внешним и внутренним, ибо был среди них один, который понял тайну Христа, когда Тот был еще недостижим для понимания в качестве внутренней ипостаси. Но и того читателя, который понял, о ком мы говорим, мы попросим еще подождать.

Итак, *по букве* Иисус ушел от нас, распявшись плотью, для того чтобы вновь прийти к *нам* в *духе*. И восприятие Христа в сердце своем означает принятие Утешителя, Духа Святого, как называет Его Апостол Павел, «Духа усыновления» (Рим 8:15). И совсем не случайно называет, ибо таков смысл отвержения рабства, о котором говорит Павел (Рим 8:15), ибо это необходимо для обращения в сына и наследника, сонаследника Христу (Рим 8:17). «Сей самый Дух [усыновления] свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии» (Рим 8:16); «Ибо все водимые Духом Божиим, суть сыны Божии» (Рим 8:14). Вот на какую истину наставляет нас Дух истины (Ин 16:13), Утешитель, свидетельствуя нам о Христе (Ин 15:26) в нас. И в послании к Коринфянам говорит Павел именно об этом Духе (именно с прописной буквы): «Благодарю за вас [Бога], вспоминая о вас в молитвах моих, чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения *к познанию Его*, и просветил очи сердца вашего» (Еф 1:17–18).

Далее нужно просто читать написанное теми Апостолами, которых мы более всего цитировали на последних страницах — Иоанна и Павла. Начнем мы повтором:

«Утешитель... Дух Святой... *научит* вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам» (Ин 14:26);

«Мы приняли не духа мира сего [духа рабства], но Духа от Бога, дабы *знать* дарованное нам от Бога, что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами [читай — не внешним образом], но *изученными* от Духа Святого, соображая духовное с духовным» (1 Кор 2:12–13);

«Мы имеем ум Христов» (1 Кор 2:16);

«Вы имеете помазание от Святого и *знаете* все» (1 Ин 2:20);

«Помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и *вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас*; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте» (1 Ин 2:27);

«В Нем [Христе Иисусе] вы обогатились всем, всяким словом и всяким *познанием*, — ибо свидетельство Христово утвердилось в вас, — так что вы не имеете недостатка ни в каком даровании» (1 Кор 1:5–7);

«Да даст тебе Господь разумение во всем» (2 Тим 2:7).

Писанное Павлом и Иоанном столь согласно, что сказанное ими просто просится встать рядом: «Утешитель, Дух Святой научит всему и напомнит все», «дабы утешились сердца... соединенные в любви для всякого богатства совершенного разумения, для познания тайны Бога и Отца и Христа, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол 2:2–3).

Все сказанное выше утверждает нас в истине, что источник искомой человеком мудрости находится внутри человека даже и согласно взглядам, изложенным в Писании христианства. Такой источник имеет совершенно определенное имя — Христос. Но чтобы нам в очередной раз не повторять ни слов Иоанна об Утешителе, ни слов Павла о внутреннем человеке, откроем Матфея: «Один у вас Учитель — Христос» (Мф 23:8) («а вы не называйтесь учителями»).

Сию мысль о единственности истинного Учителя ясно изложил Игнатий Богоносец. Повторим ее: «Лучше молчать и быть, нежели говорить и не быть. Хорошее дело учить, если тот, кто учит, и творит. Поэтому *один* только Учитель, Который сказал и исполнилось, и то, что

совершил Он в безмолвии, достойно Отца. Кто приобрел слово Иисусово, тот истинно может слышать и Его безмолвие, чтобы быть совершенным, дабы и словом действовать и в молчании открываться» (Еф 15).

Причем Христос-учитель есть составляющая (ὑπόστασις — *hypóstasis* — *ипостась*), пребывающая лишь внутри человека. Ну а «если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, — не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно и избранных. Вот, Я наперед сказал вам. Итак, если скажут вам: „Вот, Он в пустыне“, — не выходите; „вот, Он в потаенных комнатах“, — не верьте» (Мф 24:23–26). Ибо о сей ипостаси можно сказать, объединив слова Павла и Матфея: «Учитель — Христос в вас» (Мф 23:8; Кол 1:27), а то, чему Он может научить, и составляет словами Павла «упование славы» (Кол 1:27). И если вы имеете Сего Учителя, то уж воистину «вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас» (1 Ин 2:27) внешним образом, «от человеческой мудрости изученными словами».

Однако не будем отрицать, что Христос времени земной Своей жизни и прежде своего вознесения на небеса и вселения в сердца наши может научить нас многому, дав нам Учение, записанное в Евангелиях. То, чему учил Христос, Священнописное Учение Его, подготавливает ученика к восприятию Христова учения нерукописного, внутреннего. Ценность же сего внутреннего, нерукописного учения, ни в чем не противореча учению Священнописному, превосходит его уже хотя бы тем, что позволяет познать то, что не только невозможно записать на бумаге, но даже передать на словах от одного посвященного другому.

Если мы не вполне убедили читателя в этом простом положении, то поверьте хотя бы Клименту: «Истина... через написанное ведет к вещам, кои на письме невыразимы» (Strom I.10:1).

Заметим еще, что в первой книге мы говорили о хлебе больше как об Учении, открытом через Писания, то есть о том, что получает человек извне. Изнутри же, говорили мы, человек получает вино. Оказывается, что и хлеб человек может получать изнутри — от внутреннего Христа. Тот хлеб мы получали от глаголавшего на земле, новый же хлеб — от Глаголющего с небес. Ведь Христос в нас есть вечный «хлеб жизни» (Ин 6:35, 48), «сходящий с небес» (Ин 6:50, 41). Тогда от Учителя в вас вы имеете и вино-откровение, и хлеб-учение.

Итак, «Смотрите, не отвращайтесь и вы от говорящего. Если те, не послушав глаголавшего на земле, не избегли [наказания], то тем более [не избежим] мы, если отвратимся от [Глаголющего] с небес» (Евр 12:25).

Подводя промежуточный итог, скажем: существует два образа научения от Христа — первый через Писания, увековечившие слово Иисуса на земле, и второй непосредственно от Христа с небес. И первый способ подготавливает ученика к более совершенному второму.

3

Вспомним теперь еще раз уже упоминавшееся нами послание Варнавы, который, быть может, и чуть пространнее, нежели старшие Апостолы, но не менее ясно изъясняет суть внутреннего научения на примере храма. Кстати этот фрагмент мог украсить и изложение антропологической темы. Советуем читателю попутно ответить на вопрос: кто такие «они», о которых говорит Варнава с первых строк? — Иудеи?..

Итак, Варнава пишет (Варн 16):

Наконец, я скажу вам и о храме, как *они*, бедные, в обольщении своем, надеялись не на Бога, Создателя своего, но на здание, так как бы оно действительно было домом Божиим. Ибо *они*, почти как язычники, поклонялись Ему в храме... Знайте, что надежда их на

храм суетна... поэтому в обителях наших, в нас истинно Бог живет... Он Сам в нас пророчествует и в нас живет. Он открыл нам, рабам смерти, двери храма, то есть уста, Он дал нам покаяние [то есть *переменил наши ум*] и ввел нас в нетленный храм. Кто, поэтому, желает спастись, тот взирает не на человека, но на Того, Кто в нем живет и говорит в нем, — и *удивляется*, что не слышал никогда из уст говорящего [человека] таких слов, и даже *сам никогда не желал слушать*. Вот духовный храм, создаваемый Господу!

Этот отрывок не добавляет нам ни веры, ни знания в отношении внутреннего источника научения, однако он не совсем напрасно приведен нами, ибо в последних строках подчеркивает два весьма справедливых момента. Во-первых, удивительность и необычность того знания, которое исходит от истинного внутреннего Учителя. А во-вторых, своевременность внутреннего научения в том смысле, что недостойный не станет желать слушать странные и удивительные слова. А ведь и первое и второе могут стать источником сильного соблазна, когда внутреннее научение будет удивительно иным, нежели речи утверждающих, что знают истину, человек. И тогда человек поэтому не захочет слушать голос из обители сердца своего.

Еще от одного соблазна, касающегося внутреннего научения, нужно предостеречь читателя. Это замечание мы делаем прежде всего для тех, кто, день и ночь пребывая в молитвах, просит Бога дать ему познание всей истины *сразу*. Во вторую очередь мы скажем это для тех, кто будет — с сарказмом или искренно — требовать изъяснения всего *от нас*. Итак, не следует думать, что Утешитель научает всему *сразу* и напомним все *в один миг*. Здесь нельзя не помнить, что Бог любит творение свое и заботится о человеке. Он не обрушит во мгновение времени на человека всей полноты знания истины, но учит постепенно, *в свое время*. Именно такие слова встречались нам уже в вопросе: «Кто верный и благоразумный домоправитель, которого господин поставил над слугами своими раздавать им *в свое время* меру хлеба?» (Лк 12:42; Мф 24:45). Теперь мы уже узнаем в сем верном управителе — Утешителя. И научение от Него приходит не вмиг. Потому и посвящений не одно, а целых семь.

Подобным образом и водолаза, долгое время пробывшего под водой, нельзя поднимать на поверхность сразу, но постепенно, с остановками, ибо в противном случае из-за перепада давления кровь в жилах его может закипеть, что вызовет смерть. Это называется кессонной болезнью. Итак, учение не мгновенный процесс, но требующий времени, и усилий, и терпения. Впрочем, мы и ранее говорили, что к богоподобному совершенству нельзя прийти за один шаг. Касательно же возможности мгновенного процесса заметим, что такое поведение более присуще диаволу (ср. Лк 4:5). В пучину, кстати, действительно можно опускаться, не делая промежуточных остановок. Кессонной болезни не наступит.

Внимательного читателя не должен оставлять один вопрос, являющийся следствием кажущейся очень большой ошибки наших рассуждений. Ведь мы сказали, что если человек отрицает наличие в себе Христа, то какими бы святыми не казались те его дарования, кои он приписывает Святому Духу, источник их не имеет ничего со Святым общим. И тут позволительно спросить: а как же ветхозаветные пророки? Не Духом ли Святым пророчествовали они? И даже пророчествуя о Помазаннике Божиим, как могли они полагать источник научения в себе? Да и был ли уже тогда Христос внутри, или же Он вселился только после того, как был вознесен?

Лучший ответ на этот по сути единый вопрос находится в «Пастыре» Ерма. Ведь среди всех символических наименований Христа есть два, могущих существенно помочь нам. Сын Божий есть и камень (ср. Деян 4:11) и дверь (ср. Ин 10:9). Так и у Ерма: «Камень и дверь, — сказал он [пастырь], — это — Сын Божий. Каким же образом... камень древний, а дверь новая?.. Сын Божий древнее всякой твари, так что присутствовал на совете Отца Своего о создании твари. А дверь

новая потому, что Он явился в последние дни, сделался новой дверью для того, чтобы желающие спастись чрез нее вошли в Царство Божие» (Пастырь III.9:12).

Так что действительно: Сын рожден прежде всякой твари (Кол 1:15), и Он всегда пребывал, и Дух истины вдохновлял пророков всех времен. Другое дело, что спасительной дверью Он стал лишь после явления Себя миру. Источник же научения древний, о чем и свидетельствует Павел: «Все [отцы наши] пили одно и то же духовное питие: ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос» (1 Кор 10:4). Единственное, что нам остается, — это показать, что такой источник во все времена был внутри.

Но это уже задача не для обладающего даром Духа Святого, а просто для того, кто имеет дар различать буквы, складывая их в слоги, а слоги в слова. Ибо черным по белому написано:

«Беседую с сердцем моим» (Пс 76:7), ибо «Даже и ночью учит меня внутренность моя» (Пс 15:7). «Слова мудрых — как иглы и как вбитые гвозди, и составители их — *от единого пастыря*. А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг — конца не будет, и много читать — утомительно для плоти [в Синодальном переводе ошибочно — *для тела*]» (Ек 12:11–12). Вот и вся цена внешнему научению — утомительно для плоти.

Взглянем теперь в книги пророков. Как сказал Господь через пророка Иезекииля: «Вложу в вас дух Мой» (Иез 36:27; 37:14). А сколь несомнен в интересующем нас ныне смысле Аввакум: «На стражу мою стал я и, стоя на башне, наблюдал, чтобы узнать, что скажет *Он во мне*» (Авв 2:1)! «Вложу закон Мой во внутренность их, и на сердцах их напишу его» (Евр 8:11; Иер 31:33).

Даже в самых ветхих из Писаний читаем мы именно о том, с чего начали разговор: «Заповедь сия, которую я заповедую тебе сегодня, не недоступна для тебя и не далека; она не на небе, чтобы можно [было] говорить: „кто взошел бы для нас на небо и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?“ и не за морем она, чтобы можно [было] говорить: „кто сходил бы для нас за море и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?“ но весьма близко к тебе слово сие: [оно] в *устах* твоих и в *сердце* твоём, чтобы исполнять его» (Вт 30:11–14).

Мы выделили слова «сердце» и «уста». Причем о сердце никаких добавлений делать уже не требуется. Если только мы приведем еще один фрагмент из Второзакония: «Знай в *сердце* твоём, что Господь, Бог твой, учит тебя, как человек учит сына своего» (Вт 8:5). В отношении же уст, которые у кого-то могут вызывать сомнение, — доказывает ли их упоминание о внутреннем источнике научения, — добавим: «Я буду при устах твоих, и научу тебя... Я... буду учить вас, что вам делать» (Исх 4:12–15).

Но мало иудейские пророки: даже язычники — «они показывают, что дело закона у них написано в *сердцах*, о чем свидетельствует *совесть* их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим 2:15). А самые выдающиеся языческие философы высказывались настолько ясно и недвусмысленно, что их формулировкам могли бы позавидовать любые христианские апологеты. Даже Павел не постыдился бы того, что написал Сенека в одном из посланий (Ер IV.12):

Не надо воздевать руки к небу, не надо просить жреца, чтоб он допустил нас к уху статуи бога, как будто нас так лучше услышат: Бог¹ близко от тебя, с тобою, он в тебе. Так-то: ...внутри нас обитает Святой Дух — блюститель и страж хорошего и дурного в нас. И в зависимости от того, как мы относимся к нему, так и он относится к нам. Никто не может быть хорошим человеком без Бога; может ли кто-нибудь подняться выше судьбы без помощи Его? Он дает прекрасные и возвышенные советы.

¹ Здесь и далее соответствующие прописные буквы наши.

Последние слова просто могли бы послужить эпиграфом к настоящей главе — настолько согласны они с ныне рассматриваемой нами темой. Так что, очевидно, не только упоминаемые Павлом отцы пили одно и то же духовное питье из духовного камня, который был Христос (ср. 1 Кор 10:4).

Впрочем, особо удивляться, что нехристианин столь точно сформулировал христианскую мысль не приходится: «В учениях различных философских школ — разумеется, за исключением совершенно безумных, которые подобно вакханкам, разорвавшим человека на части, упразднили порядок и разум природы и от Христа совершенно отреклись, — даже если они не вполне согласуются между собой, можно обнаружить некое сходство в главном» (Strom I.57:4)...

Однако что же делать, если, «Когда Я учил их, с раннего утра учил, они не хотели принять наставления» (Иер 32:33)?..

4

Итак, научение через Писание подготавливает почву для научения от Христа в сердце. Но не значит же это, что некогда Писание можно и вовсе откинуть? Наоборот, внутреннее научение придает новое качество разумению Писаний. Более того — внутреннее научение дает возможность Ветхий Завет воспринимать как Новый (ср. II.2.2, с. 455). Сие-то нам и нужно рассмотреть сейчас. Дабы не пересказывать всего сказанного Павлом на эту тему в третьей главе Второго послания к Коринфянам (2 Кор 3:6–18), позволим себе пересказать суть вопроса, по возможности пользуясь Павловыми словами.

Итак, во времена откровения Закона (Исх 34:29–35), легшего в основу и христианского Священного Писания «Моисей полагал покрывало на лице свое, дабы сыны Израилевы не взирали на конец преходящего» (2 Кор 3:13), ибо «сыны Израилевы не могли смотреть на лице Моисеево по причине славы лица его преходящей» (2 Кор 3:7).

Ясно, почему Павел говорит о славе Моисея как о славе преходящей — потому что служение Моисея было служение «смертоносным буквам, начертанное на камнях» (2 Кор 3:7), «потому что буква убивает» (2 Кор 3:6). Дабы сыны Израилевы «не взирали на конец преходящего», Моисей и положил покрывало. Причем, будучи положено на лице Моисеево, покрывало сие легло и на *сердце* сынов Израилевых. С явлением же Духа покрывало должно быть снято, и тогда должен открыться сердцу духовный смысл Закона и Писаний последующих.

Ориген писал об этом почти теми же словами: «Пока кто-либо не обратится к духовному пониманию, на сердце его лежит покрывало, каковым покрывалом, то есть грубым пониманием, и закрывается самое Писание... Если же мы обратимся к Господу, у Которого есть Слово Божие и у Которого — Дух Святый открывает духовное знание, то тогда покрывало снимается, тогда с открытым лицом мы будем созерцать в Писании славу Божию» (Ориген. О началах I.1:2).

«Но умы их [сынов Израилевых] ослеплены: ибо то же самое покрывало *доныне* остается неснятым при чтении Ветхого Завета» (2 Кор 3:14); «Доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их» (2 Кор 3:15). Да что там Ветхого? Да разве только при чтении Моисея? То же самое покрывало осталось лежащим на сердцах их и при чтении Нового Завета, тогда, когда они читают и самого Павла. Ибо весьма силен соблазн славы преходящей, весьма завидна слава смертоносных букв. И уже кто-то учит, что во Христе нет никакой тайны, но все просто — как написано (даже и Павлом), так и надо понимать. Разве это не есть ослепление ума? И вот жены покрывают головы, а мужи приобретают себе друзей богатством несправедливым — в буквальном, конечно, смысле.

Умы и новоявленных сынов Израилевых ослеплены: «Бог дал им дух усыпления, глаза, которыми не видят, и уши, которыми не слышат, *даже до сего дня*» (Рим 11:8), ибо то же самое

покрывало и доныне остается неснятым при чтении даже таких слов Павла: «Когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается» (2 Кор 3:16), «потому что оно снимается Христом» (2 Кор 3:14). Но разве могут они признать, что не обращались к Господу? Разве не считают они, что Христос уже снял с их сердец сие пресловутое покрывало? Только вот беда! — Когда они с одной стороны смотрят на то, что, как им кажется, обнажилось, они видят одно, когда взирают с другой стороны — совершенно иное. Открывающееся им более всего подобно тому, что видит человек в кривом зеркале, но это их не смущает, и они даже гордятся тем уродцем — хромящим на оба колена незаконнорожденным дитем, которое они называют «антиномичность» и «антитетичность» истины. Однако даже это дитя блуда их не спасает, да и не может спасти, ибо некоторые «истины», открытые одними, полностью исключают «открывшееся» другим.

В качестве примера можно привести приведенный в начале второго тысячелетия (1054) к расколу Восточной и Западной Церквей вопрос об исхождении Святаго Духа: католические «сыны Израилевы» утверждали, что Дух исходит и от Отца, и от Сына, православные же «сыны», в свою очередь, — что только от Отца. Подобные разногласия в «откровениях» сокрытого под покрывалом не раз ставили мир на грань войны, а подчас и за эту грань.

Почему происходит так? Да потому, что из сынов века сего никто не обращается ко Христу в себе, но мудрость и разумение ищут и собирают вовне. Они не могут принять и вместить очевидную из Писания формулу: «Учитель — Христос в вас» (Мф 23:8; Кол 1:27), а следовательно, и слова: «Вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас» (1 Ин 2:27) тоже не имеют к ним никакого отношения, ибо они как раз имеют нужду в том, чтобы их учили те, кого они сами себе выберут в учителя, о чем также пророчествовал Павел: «Будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням» (2 Тим 4:3–4). Того же, чье мнение будет отличаться от их льстящих слуху басен — мы никого не хотим обидеть, мы просто повторяем слова Павла, — они в зависимости от времен и обстоятельств распнут, сожгут, посадят на кол, или отлучат от церкви, или предадут анафеме (как они делали в отношении друг друга), или заклеят как еретика. Но это не страшно, ибо истина утверждается не на костре, и не на эшафоте, и даже, за исключением одного известного случая, не на кресте.

Гораздо опаснее то, что эти люди, в достаточной степени научившись от себе подобных, сами становятся учителями. Вот уж где проявится их ревность, если кто-то из тех, о ком они уверены, что тот должен слушать их, станет вместо этого учиться «не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святаго» (1 Кор 2:13).

Это было бы смешно, если бы не было так грустно, но они ревнуют к Духу Святому, будто Дух — один из них. Их в равной степени задевает, когда их слушатель покидает их ради другого подобного им льстеца слуху, и если он становится способен учиться словами, изученными от Духа Святаго.

Они не могут допустить, чтобы некто, как то сделал Павел, «не стал тогда советоваться с плотью и кровью, и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим... Апостолам» (ср. Гал 1:16–17). Впрочем, коль скоро мы обобщаем эти слова Павла на более позднее время, то уже не к Апостолам, а к тем, которые хотят, чтобы их почитали за последователей Апостолов, к тем, «которые называют себя апостолами, а они не таковы... [но] они лжецы» (Отк 2:2). Нет, не могут и они быть выше своих учителей (ср. Лк 6:40) и ни за что не отнесут на свой счет заповедь Апостола Иакова: «Не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению» (Иак 3:1).

Последние слова должны напомнить нам другой отрывок, в котором также звучит тема учительства, и благодаря которому мы лучше поймем ответственность за ложное учительство: «как же ты, уча другого, не учишь себя самого?» (Рим 2:21).

4.1

Теперь мы уже не можем пройти мимо всего отрывка Послания Павла к Римлянам, который нам следует разобрать в привычной нам манере (Рим 2:17–29):

¹⁷ Вот, ты называешься Иудеем, и успокаиваешь себя законом, и хвалишься Богом, ¹⁸ и знаешь волю [Его], разумеешь лучшее, научась из закона, ¹⁹ и уверен о себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, ²⁰ наставник невежд, учитель младенцев, имеющий в законе образец ведения и истины: ²¹ как же ты, уча другого, не учишь себя самого? ²² Проповедуя не красть, крадешь? говоря «не прелюбодействуй», прелюбодействуешь? гнушаясь идолов, святотатствуешь. ²³ Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога? ²⁴ Ибо ради вас, как написано, имя Божие хулится у язычников. ²⁵ Обрезание полезно, если исполняешь закон; а если ты преступник закона, то обрезание твое стало необрезанием. ²⁶ Итак, если необрезанный соблюдает постановления закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание? ²⁷ И необрезанный по природе, исполняющий закон, не осудит ли тебя, преступника закона при Писании и обрезании? ²⁸ Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; ²⁹ но тот Иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога.

17. Прежде всего нужно отметить, что Павел, судя по букве, конечно, обращается к иудеям, — точнее к тем, которые только считают, называют себя иудеями. Но ведь мы знаем — о сем даже уже неудобно говорить так много раз, — что иудеи суть духовное имя, данное тем, кто исповедует Единого и Единственного Бога. То есть в символе иудея надо видеть единогобожника. Если бы мы поняли слово «иудеи» буквально, то нам следовало бы прочесть, что написано у Иоанна: «Спасение от Иудеев» (Ин 4:22), и всем вместе (с папой Римским, с патриархом Всея Руси, с Мартином Лютером, Иосифом Смитом¹, Чарльзом Расселом² и всеми их последователями) перейти в иудеи по плоти, так что на чтение Павла у нас просто не достало бы времени.

То есть Павел обращается не одним только буквально понимаемым иудеям, иудеям по плоти, иудеям по наружности. Но он обращается не к истинным по духу иудеям, а к тем, кто только претендует на имя единогобожников, кто только хочет так называться.

Нам просто не удержаться: «Если некто опускается в воду, выходит оттуда, ничего не получив, [и] говорит: Я — христианин, — он взял имя в долг. Но если он получил Дух Святой...» (Филипп 59).

И Павел обличает тех, которые не имеют Духа, — в противном случае они не имели бы нужды, чтобы кто обличал их, ибо Самый Дух их и обличил бы. И научил.

Вернемся к словам «спасение от Иудеев». Ведь не от тех единогобожников спасение, которые обратились к «смертоносным буквам» (2 Кор 3:7)! А ведь у того, кто — будь он хоть трижды единогобожник — не имеет Духа, нет иного выхода, кроме как обратиться к мертвым буквам и чтить закон, соблюдая его по плоти.

¹ Иосиф (Джозеф) Смит (1805–1844) — переводчик книги Мормона и основатель церкви Иисуса Христа последних дней.

² Чарльз Рассел (1852–1916) — основоположник учения свидетелей Иеговы.

Но с чего это Павел говорит о каком-то успокоении? А дело в том, что почитание буквы закона нисколько не избавляет ни иудея по плоти, ни иудея в душе от того, о чем писал Маймонид — от томления и беспокойства, в неизбыточном сердечном сокрушении и великом смятении, — когда ему встречаются заповеди, невыполнимые по букве даже теоретически; законы, в которых невозможно увидеть даже проблеска здравого смысла; пророчества, недостижимые для понимания плотско-душевым умом. Не вари козленка (Исх 23:19)... не имей две одежды (Лк 9:3)... Чем же и успокоить это томление, печаль, скорбь, как не тем, что закон — от Бога и нужно не рассуждая следовать ему?

Такой человек — ведь истинного-то Утешителя нет — вынужден постоянно утешать себя, убеждать, многократно повторяя, что закон — от Бога, и это является достаточным побуждением его слушаться. Убеждая себя, человек — пусть даже инстинктивно — боится, как бы другие не заметили его тревоги из-за бессмыслия заповедей, законов и пророчеств. Он забывает заповедь о тайне веры (Мф 6:5–6; ср. Рим 14:22) и начинает всем и каждому демонстрировать свою верность. Для него чуть ли не единственным утешением становится суетная похвальба — *хваление* Богом. Но разве так уж предосудительно хвалиться Всемогущим? А дело в том, что хвалить и восславлять Всевышнего Бога — одно, и сие, безусловно, не может вызвать порицания. Совсем другое дело похвалиться, иначе говоря, хвалить себя в отношении Бога, то есть хвалиться своей верой в Него. Иудеи по наружности горды, что они иудеи; иудеи в душе горды, что они христиане.

¹⁸и знаешь волю [Его], разумеешь лучшее, научась из закона.

18. В следующем стихе мы вновь встречаемся со словами, которые введены в первоначальный текст для связи слов, ибо слово «Его» введено с явным намерением увязать и волю с предыдущим словом «Бог». Если бы мы признали справедливость такого пояснения, то тогда получалось бы, что не имеющий Духа буквалист — пусть даже он и единобожник — знает волю Божию. Позволим себе усомниться в сей возможности. Ибо, по словам самого же Павла, воля Божия составляет тайну (ср. Еф 1:9), и исполнение ею ставится Павлом в зависимость от премудрости и духовного разумения (ср. Кол 1:9), которого нет и не может быть у буквалиста уже в силу ослепления ума, наличия покрывала на сердце, и в силу мертвости и смертоносности букв, противопоставленных животворящему духу (ср. 2 Кор 3:6). Поэтому нам придется исключить инородные слова из богодухновенного текста. Сделаем это без сожалений.

Получается: «Ты... знаешь волю». Но если не Божию, то какую же волю знают те, кто, не имея животворящего Духа, обречены буквой?

Для ответа на этот вопрос, стоит заглянуть в греческий оригинал Нового Завета, где мы увидим, что словом «воля» передано греческое слово *θέλημα* (*télēma*), и весьма точно передано, ибо сие греческое слово имеет в своем корне явный оттенок добровольности и даже свободы, в чем и заключается точное соответствие перевода греческого *θέλημα* русским словом «воля».

Но ведь это та самая воля, к которой на западный манер было приторочено прилагательное «свободная», делающее все словосочетание тавтологией. Итак, речь идет не о чем ином, как об иллюзии свободной воли, кою *предполагает* не знающий Духа. Не знает, а именно лишь предполагает, думает, что знает. Как видит читатель, мы заменили и глагол. Такая замена вполне оправдана, ибо греческое *γινώσκω* (в Новом Завете *γινώσκω*) может означать как «знать», так и «думать», «полагать, что знаю». Причем в данном случае последнее словоупотребление даже предпочтительнее первого. Еще раз убеждает нас в этом то, что разумение лучшего научения из Закона, о котором тоже идет речь, в отношении тех, чьи умы ослеплены, также является только в их предположении. То есть те, к кому обращается Павел, думают, что буквальный смысл Закона — лучшее, чему можно из него научиться, думают, что, разумея букву, разумеют Закон.

Вот какой смысл обретут тогда исследуемые стихи: Ты называешься единобожником, и успокаиваешь себя соблюдением буквы закона, и хвалишься Богом, и предполагаешь свободную волю, думаешь, что буквальный смысл — лучшее, чему можно научиться из закона. Не встало ли все вновь на свои места? И не узнал ли кто-то себя в обращении Апостола?

¹⁹ и уверен о себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме,

²⁰ наставник невежд, учитель младенцев, имеющий в законе образец ведения и истины.

19–20. Нам осталось не много добавить по поводу выражений «научась из закона» и «имеющий в законе образец ведения и истины». Не повторяя, что речь идет о *букве* закона и о *плотском* знании, ведении, повторим все же некоторые другие, изложенные нами ранее, соображения.

В сих словосочетаниях виден мотив закона заповедей человеческих, ибо Закон Божий, в чем буквалист не может не признаться, во многом остается непонятым, — и хочешь не хочешь, надо его как-то разяснять и что-то придумывать, прибавлять к Богом утвержденному завещанию — завету, то есть в конечном счете искажать и даже отменять (ср. Гал 3:15). Лучшее же, что могут сделать те, о ком мы говорим, — это донести Завет нетронутым до будущих поколений.

В качестве общего комментария ко всем четырем упомянутым стихам уже из самого обличающего апостольского тона можно вынести, что ни лучшего не возможно разуместь, научась из буквы Закона; ни учителем, ни наставником не следует стараться стать, не имея внутреннего Учителя; ни о свободной воле не нужно говорить; ни Богом хвалиться.

²¹ как же ты, уча другого, не учишь себя самого?

21. Заметим сразу, что на современном русском языке лучше сказать: «не учишься сам». Климент в этой связи пишет так: «Уча других, мы учимся сами... Но наставник один и для учителя и ученика, и Он является подлинным источником их разумения и научения» (Strom I.12:3).

Но они-то, естественно, учат других внешним образом — другой способ едва ли возможен. Что же касается того, чтобы учиться самим, то и это возможно для них чисто внешним образом — в школах, в семинарии, в академии, — в лучшем случае через букву закона, но об этом мы уже говорили. А о том, что можно научиться без обращения вовне, что можно научиться внутри себя, как бы у себя самого, они просто не подозревают. И слов, что «Учитель — Христос в вас» (Мф 23:8; Кол 1:27), они не хотят принять.

²² Проповедуя не красть, крадешь? говоря «не прелюбодействуй», прелюбодействуешь? гнушаясь идолов, святотатствуешь.

22. Изъяснение следующего стиха мы начнем с самого для нас простого: «Говоря „не прелюбодействуй“, прелюбодействуешь». Иносказательный смысл сего обличения, наверное, уже достаточно ясен читателю, но мы считаем, что будет полезно прежде вспомнить другие слова, автором коих является тот же Апостол Павел. Прежде чем мы приведем этот отрывок, напомним, что он почти вплотную примыкает к обличению в блудодеянии тех, которые вместо мужа имеют жену отца (ср. 1 Кор 5:1–6). Посему мы хотели бы, чтобы перед отрывком, представляющим для нас интерес ныне, читатель освежил в памяти тему символики блуда.

Итак, продолжая учить посланием сотоварищей тех, кто содеял грех, которого не слышно даже и у язычников, Павел пишет: «Я писал вам в послании — не сообщаться с блудниками; Впрочем, не вообще с блудниками мира сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослу-

жителями, ибо иначе надлежало бы вам выйти из мира [сего]. Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе» (1 Кор 5:9–11).

Самое важное, что нам следует извлечь из этого указания, заключается в том, что следует отличать, как то делает сам Павел, что есть блудники, лихоимцы, хищники, идолослужители и пьяницы *мира сего*, то есть блудники *по плоти*, злоречивые *в буквальном понимании*, и так далее. От них никуда не деться, и они в известной степени безобидны, потому-то Павел не запрещает (в буквальном смысле, по плоти) ни сообщаться, ни есть с ними. Но вместе с тем существуют и те, кто тщится быть или казаться духовным, будучи на самом деле духовным «блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником». И вот с ними-то нельзя не только сообщаться по духу, но и есть в духовном понимании.

Теперь от послания к Коринфянам вернемся к Римлянам, где Павел говорит о том же, ибо известного рода учителя, желающие зваться братьями, но не обладающие знанием духовного, учат только тому, что разумеют буквально. Посему в слова Павла надо добавить изъяснения, позволяющие читать его так: как же ты, проповедуя не красть по букве, крадешь по духу? говоря «не прелюбодействуй» в буквальном смысле, прелюбодействуешь в духовном понимании? гнушайся деревянных идолов, святотатствуешь в духе?

Относительно греха прелюбодеяния мы в нашей предыдущей книге сказали едва ли менее, чем достаточно, чтобы что-то добавлять. Читатель, знающий символику мужа, жены, брака неоскверненного, брачного чертога и блуда, не станет сомневаться в смысле обличений Павла.

Вопрос символического разума кражи более для нас сложен, хотя тайна кражи и ненормального более нова. Стоит перед нами этот вопрос с тех пор, как мы обратили внимание, что Иуда Искариот назван вором. Мы не возьмем на себя сейчас задачи всеобъемлющего изъяснения смысла кражи, ибо красть можно золото с серебром, но можно украсть и хлеб с вином. Займемся пока лишь смыслом кражи богатства неверного.

Дабы приступить к изъяснению подобного рода кражи, надо отметить, что первые слова ныне исследуемого стиха должны изъясняться в тесной связи с последними словами стиха предыдущего, почему мы и должны поставить их рядом, не отделяя один стих от другого: «Уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь?» Так мы поступим в силу известной синонимичности образов, что мы вскоре покажем.

Хотя вопрос символики кражи неверного богатства и кажется непростым, он не составит камня преткновения. Стоит нам вспомнить духовный смысл образа неверного богатства, как путь решения сей загадки становится ясен. Помощь же нам вновь окажет Притча о неверном управителе. Причем если раньше мы уделяли особое внимание изъяснению смысла заповеди о приобретении друзей богатством несправедливым, сосредоточив все наше внимание исключительно на неверном управителе, то теперь нам потребует высказаться о поведении должников хозяина — «сынов света».

Напомним несколько стихов из притчи: «И, призвав должников господина своего, каждого порознь, [управитель] сказал первому: сколько ты должен господину моему? Он сказал: сто мер масла. И сказал ему: возьми твою расписку и садись скорее, напиши: пятьдесят; Потом другому сказал: а ты сколько должен? Он отвечал: сто мер пшеницы. И сказал ему: возьми твою расписку и напиши: восемьдесят» (Лк 16:5–7). Отметим, хотя об этом нет прямого указания в притче, что вышеупомянутая операция с ценными бумагами, как их называли бы ныне, была удачно завершена для обеих сторон: неверный управитель предложил, а «сыны света» согласились.

Отметим, что неверного управителя хозяин похвалил, что же касается должников, «сынов света», то оценка хозяином их поступка в притче отсутствует. Так как же нам считать? Догадливо

они поступили или совершили элементарную *кражу*, несправедливо приобретя неверное богатство, то есть незаконно погасив часть своего долга хозяину?

Конечно, было бы более достойно «сынов света» не красть, а отработать свои долги, прося и копая. Однако для этого им было необходимо обладание дарами Духа Святого, хлебом и вином, знанием об истинном Учителе. Но дело не в неразборчивости «сынов света». Дело в том, что они ни истинного Учителя — Утешителя — Духа Святого — верного и благоразумного домоправителя, «которого господин поставил над слугами своими раздавать им в свое время меру хлеба» (Лк 12:42), не знают, ни власти неверного управителя над собой не хотят признавать (впрочем, этого у них никто и не требует, иначе они оказались бы не «сыны света», а рабы вещественных начал). А потому, то, что получено ими внешним образом через неверного управителя, и есть кража.

Повторим еще раз — для «сынов света» есть два выхода. Первый — копать, отрабатывать долги праведно, познавать внутренне, то есть, как пишет Павел, «учить себя самого». Причем вовсе не только Творца, но и творение можно познавать таким образом. Взять хотя бы монаха-доминиканца Джордано Бруно, без сомнения получившего свою долю богатства, честно прося и копая. Второй выход — стать на место «сына света», не могущего погасить свой долг иначе, нежели с помощью неверного управителя. Это-то и будет кража. Справедливости ради заметим, что кража все же не смертный грех, и не будем сурово судить хищников.

Впрочем, строго говоря, мы совершили бы ошибку, связав внешнее научение только с кражей, ибо помимо кражи есть еще многое, что нужно связывать с внешним учением, — например, торговля или ростовщичество. Однако кража имеет весьма существенное отличие от двух последних, ибо и торговля и ростовщичество подразумевают два деяния — брать и давать взамен. А это-то давание еще предстоит «сынам света», почему и грех этот простится истинным «сынам света». Кража же состоит только в том, чтобы брать, и в этом их основное отличие. Не стал ли ясен смысл таких, к примеру, слов: «Они едят хлеб беззакония и пьют вино *хищения*» (Прит 4:17).

Чтобы читателю было о чем подумать на досуге, предложим ему порассуждать вот над чем. Если бы «сыны света» отдавали нечто взамен полученного, то это уже не была бы кража. Кому же им отдать? Неверному управителю?

Отметим, что в случае хлеба и вина духовный смысл кражи становится совсем иным, ибо погашение долга помощью Духа Святого ни кражей, ни каким другим беззаконием не является. И вышеприведенным способом нам никак не объяснить, почему Иуда Симонов — вор. Нам также не объяснить, почему и Иисус Христос уподобляет Себя вору (напр. Отк 3:3). Но об этом мы будем говорить, когда подойдет время.

Нам осталось рассказать о духовном смысле святотатства. Однако после слов Павла, что «Бог поругаем не бывает» (Гал 6:7), кажется довольно трудным определить, что же есть святотатство по духу. Верно, — если приписывать Богу несвойственную Ему атрибутику, называть Его именами «непознаваемый», «неведомый», «нераздельный», «неслиянный», то сие будет богохульство. Но это не будет увязываться с нынешним Павловым обличением «гнушащаяся идолов, святотатствуешь». Павел имеет в виду что-то иное.

Стоит заметить, что «святотатствовать» — переносный, метафорический смысл греческого глагола *ιεροσυλέω* (*зиеросилео*), буквально означающего «красть священное» или даже «мародерствовать» в отношении священного. Многие переводы Библии, в том числе находящаяся в богослужебном употреблении славянская Библия, так и пишет: **гнѣшѣаѣ ѿдѣлѣ, сѣѣаѣ крѣдѣши**. Однако чрезвычайно трудно представить себе и иудея по плоти, и иудея в душе, похищающего некую святыню, даже и языческую. Если бы мы понимали греческое *ιεροσυλέω*

как похищение, то говорить о том, что такое явление носило широкий характер почти абсолютно абсурдно. Ведь Павел обличает не какого-то конкретного иудея!

К слову сказать, настоящие обличения Павла, казалось бы, были более уместны и понятны по плоти, будучи помещенными в послание к Евреям. С чего бы это Павел пишет Римлянам, а обличает иудеев?! Весьма странно. Впрочем, сия странность должна не столько смутить нас и привести в растерянность, сколько подтвердить, что мы правильно толкуем иудеев как духовное имя. Но тогда получается, что кража священного скорее относится к новоявленным иудеям, душевным монотеистам.

Впрочем, оставим эту нить толкования для самостоятельного размышления читателя, ибо переносный смысл глагола *ιεροσὺλέω* как «святотатствовать» сохраняется, а *ιεροσὺλία* так и вовсе имеет святотатство главным (если не единственным) своим значением. Кроме того, о краже уже шла речь в обличениях Павла.

Смысл святотатства перестает казаться непреодолимой трудностью, лишь только мы вспомним тему хуления Святого храма Божия: «И даны были ему [зверю] уста, говорящие гордо и *богохульно*, и дана ему власть действовать сорок два месяца. И отверз он уста свои для *хулы* на Бога, чтобы хулить имя Его, и *жилище* Его, и живущих на небе» (Отк 13:5–6).

Однако Откровением Иоанна вовсе не ограничивается мотив святотатства, и подтверждение сему мы сможем найти в месте, которое никогда не понималось в том смысле, который предложим читателю мы: «Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего. Довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его. Если хозяина дома назвали вселезвулом, не тем ли более домашних его?» (Мф 10:24–25).

Собственно, как бы кто ни понимал Христа — внутри ли, вовне ли, ясно, что Христов ученик не выше Единого Учителя, и для любого христианина не только что довольно, чтобы он был, как Учитель его, Христос, но даже гораздо менее того.

Однако кто такие господин и слуга? Наиболее навязчивой идеей является проведение параллелей между учителем и господином, с одной стороны, и между учеником и слугой — с другой. Выходит, что Иисус Христос есть Учитель и Господь, мы же ученики и слуги. Так будем же поклоняться Ему и служить как господину! Однако не оставляет ли такой параллелизм тревоги, и томления, и беспокойства в неизбывном сердечном сокрушении и великом смятении с сердечной скорбью? Ведь тут что-то не так: уж слишком явно отдает сие мертвечиной буквы. И потом — зачем Сам Иисус, являющийся несомненно из всех большим, сказал: «Больший из вас да будет вам слуга» (Мф 23:11); «Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не пришел, чтобы ему служили, но чтобы *послужить*» (Мф 20:26–28; Мк 10:43–45). Что же это за господин, если он сам служит?

Так Господин Христос или — слуга? Сомнений добавляет уже приводимый нами в первой книге фрагмент Апокалипсиса, где Тот, Кто называет себя Альфой и Омегой, началом и концом, Первым и Последним, говорит падшему к ногам Его, чтобы *поклониться* Ему, Иоанну: «Смотри, *не делай* сего; ибо *Я сослужитель* тебе и братьям твоим пророкам и соблюдающим слова книги сей; Богу поклонись» (Отк 22:9). И не кто иной, как Иисус — Учитель и Господин — умывает ноги своим ученикам, как слуга (Ин 13:13–15).

Интересно заглянуть в Евангелие Филиппа: «Тот, кто обладает знанием истины, — свободен... Тот, кто стал свободным из-за познания [истины], — из-за любви слуга тех, кто еще не смог подняться до свободы познания [истины]» (Филипп 110). Кто и познал истину, если не Христос! То есть свободный из-за познания истины Христос — из-за любви *слуга* тех, кто еще не свободен.

Но если Христос слуга, то кто тогда хозяин и над кем? — Ведь не над Христом же, в самом деле? Ему-то как раз все покорено (1 Кор 15:27; Еф 1:22; Евр 2:8). Ответ на этот вопрос прост, как и подобает истине, и он полностью согласен с учением о Христе — Учителе и о Христе — слуге, служащем в их *доме* тем, кто пока меньше Его.

Напомним: «Христос, — как Сын в доме Его [Отца], дом же Его — мы...» (Евр 3:6). Все и тут становится на свои места: человек, даже будучи разделен, является хозяином в доме, который он строит. В доме Божием живет, как Сын, Христос, являясь как бы одним из домашних, слугой, сослужителем. Все сие настраивает на почти идиллический лад. И вдруг как гром среди ясного неба: «Если хозяина дома назвали вселизулом, не тем ли более домашних его?» (Мф 10:25). Вот вам и святотатство в духе при формальном гнушении деревянными идолами.

²³Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога?

23. При изъяснении выражения «хвалишься Богом» мы сказали достаточно, чтобы не повторять то же самое в отношении слов из этого стиха: «хвалишься законом». И в комментарий к этому стиху нет нужды писать несколько страниц. Мы должны лишь вспомнить, что *одного* Закона нет. Есть Закон Божий — закон духовный, и есть закон греха — закон плоти (ср. Рим 7:25); и закон плоти — лишь подлая¹ оболочка истинного Закона. Иными словами, речь идет о людях, которые, служа смертоносным буквам, хвалят себя в отношении закона плоти. Закон Божий обращается законом греха, ибо суть его — духовный смысл — остается непознанным. И нет ничего удивительного, что закон истинный Божий они преступают. Ибо как можно не преступить закон, который то ли остался не понятым из-за неразумия, то ли остался не услышанным из-за глухоты (ср. Ис 29:11–12)?

²⁴Ибо ради вас, как написано, имя Божие хулится у язычников.

24. Комментарий следующего стиха нам следует начать с того, что лучше читать его так: «Ибо из-за [или *посредством*] вас имя Божие хулится у язычников, как написано». Что же на самом деле написано? «И пришли они к народам, куда пошли, и обеславили святое имя Мое, потому что о них говорят: „они — народ Господа, и вышли из земли Его“. И пожалел Я святое имя Мое, которое обесславил дом Израилев у народов, куда пришел» (Иез 36:20–21). Комментарий, подразумевающий, что народы издевались над Израилем, что, дескать, Господь бесславен, ибо допустил, что Израиль рассеян по народам и развешен по землям (ср. Иез 36:19) из-за беспомощности Бога, заставляет заподозрить либо глупость народов, либо то же самое в отношении толкователей. Гораздо более приемлемым в настоящем контексте является другое объяснение. Имя Божие хулится у язычников по другой причине.

Иудеи хвалятся законом, но только по букве. Однако буквальная заповедь бессмысленна. Они пытаются ее соблюсти, но это не удастся, не может удаться. То же, что получается — в лучшем случае смешно, ибо опять же бессмысленно. Что же скажут на это необразованные и не имеющие закона народы? От них-то никак нельзя требовать, чтобы они чтити такого Бога, который дал безумный, как кажется, закон. А это из-за таких иудеев он кажется безумным.

²⁵Обрезание полезно, если исполняешь закон; а если ты преступник закона, то обрезание твое стало необрезанием. ²⁶Итак, если необрезанный соблюдает постановления закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание? ²⁷И необрезанный

¹ Лексикон Г. С. Сковороды. См. комментарий на с. 447.

по природе, исполняющий закон, не осудит ли тебя, преступника закона при Писании и обрезании? ²⁸ Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; ²⁹ но тот Иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога.

25–29. Что бы мы ни сказали сейчас в комментарий к этим стихам, изъяснения наши явно запоздали, ибо еще с первой книги мы помним, что «не все те Израильтяне, которые из Израиля» (Рим 9:6), и прекрасно понимаем, кто такой «Иудей, кто внутренне таков». Обрезание также не новый для нас символ. Прочитаем лучше следующие стихи с этим пониманием.

Обрезание плотское, — «если бы оно было полезно, их отец зачал бы их в матери обрезанными. Но истинное обрезание в духе обнаружило полную пользу» (Фома 53). Но!

Обрезание *в сердце* полезно, если совершается ради исполнения (наполнения) закона *духовным смыслом*. Но обрезание по духу, которое не приводит к духовному исполнению (наполнению) закона, не есть истинное обрезание, оно становится необрезанием *в духе*. Точно так же плотское обрезание не гарантирует соблюдения плотского закона. Тогда — ты преступник закона, и *любое* обрезание твое становится необрезанием.

Но если необрезанный *по плоти* исполняет (наполняет) постановления закона *по духу*, то его необрезание *по плоти* не вменится ли ему в обрезание *в духе*? И необрезанный по природе *плоти*, исполняющий закон *духовный*, не осудит ли тебя, преступника *и духовного, и даже плотского* закона при *понятии без Духа* Писании и обрезании *плотском*? Сказанное можно было бы сократить.

Исполнить закон можно, только познав его духовный
смысл, и только тогда полезно обрезание.

Однако ради плотских, «для улучшения состояния человеческих сообществ» (по словам Маймонида) полезней было написать и больше слов.

4.2

Теперь читатель, надеемся, в должной мере убедился в первенствующей роли внутреннего научения. Внутренний Учитель — Один. Все остальные учителя — внешние. Потому-то: «Не многие делайтесь [внешними] учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению» (Иак 3:1); «не называйтесь [внешними] учителями» (Мф 23:8). Но полное отрицание потребности в научении внешнем неправильно, и свидетельством дозволенности и такого пути является хотя бы существование самого Священного Писания. И из него мы знаем принцип познания верой. Из него же мы знаем, что «вера от слышания» (Рим 10:17). И этим-то обосновывается потребность *наставления* в вере, о котором говорит Павел (Гал 3:2,5).

Потому некоторому малому числу не заповедано быть учителями. Но среди тех немногих, кому позволено сделаться учителем, могут быть только те, кто, как Павел, принял не духа мира сего, но Духа от Бога, дабы знать дарованное от Бога. Это только и дает право возвещать учение не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого (ср. 1 Кор 2:12–13).

Такой ученик — ученик, понимающий, что Учитель — в вас (Мф 23:8; Кол 1:27), когда обращается к Господу, тогда то покрывало снимается (2 Кор 3:16), потому что оно снимается Христом

(2 Кор 3:14). Такой ученик совсем в другом смысле «не бывает выше своего Учителя»; но только к нему, собственно, и относятся слова, что «усовершенствовавшись, будет всякий, как Учитель его» (Лк 6:40).

Таким-то учеником, очевидно, и был Тимофей, которому Павел пишет: «Проповедуй... и учи... Занимайся чтением, наставлением, учением. Не неради о пребывающем *в тебе* даровании, которое дано тебе по пророчеству с [но не «через»] возложением рук старейшинства [в переводе Синодальном ошибочно «священства»]. О сем заботься, в сем пребывай, дабы успех твой был для всех очевиден. Вникай в себя и в учение; занимайся сим постоянно: ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя» (1 Тим 4:11–16).

Однако не слишком ли сильно сказано о спасении слушающих тем, кто вникает в себя и в учение? Но это не гипербола и не оговорка в устах Павла. Дабы убедиться в этом, посмотрим внимательно на другой отрывок, уже хорошо нам знакомый по проблеме спасения делами закона: «{О, бессмысленные Галаты! кто прельстил не покоряться истине вас, у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос у вас распятый?} Сие только хочу знать от вас: через дела ли закона вы получили Духа, или через *наставление* в вере?.. Подающий вам Духа и совершающий в вас чудеса через дела ли закона [—] или через *наставление* в вере?» (Гал 3:1–5).

Сейчас же нам важно то, что из риторики Павла явно следует, что Духа Святого галаты должны были получить «через наставление в вере». Само получение Духа происходит через веру, но кто-то должен дать такое наставление. Ибо воистину надо знать, во что верить, чтобы верою этой получить Духа Утешителя.

5

Теперь, опираясь на разумение, которое мы получили из рассуждений об источнике внутреннего научения, мы совсем иными глазами увидим следующий фрагмент Иоанна: «На другой день опять стоял Иоанн [Креститель] и двое из учеников его. И, увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий. Услышав от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом. Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: что вам надобно? Они сказали Ему: Равви, — что значит: учитель, — *где живешь?* Говорит им: пойдите и увидите. Они пошли и увидели, где Он живет; и пробыли у Него [один] день тот. Было около *десятого* часа» (Ин 1:35–39).

Ранее мы, конечно, прошли бы мимо того обстоятельства, что учеников, пошедших вслед Иисусу было двое. Но знание арифмологических шифров заставляет задать вопрос: не является ли двойка прямым указанием на мудрость, которой возжаждали и к восприятию коей стали готовы ученики Иоанновы, то есть те, кто выучился полному безмолвию? (Напомним, что именно в связи с полным безмолвием мы и говорили в первой книге об Иоанне Крестителе.)

На то, что числа упоминаемые Иоанном далеко не случайны, указывает тот факт, что следующий пример, когда в этом рассказе нам встречается число, совершенно бессмыслен с точки зрения как точности, так и здравого смысла. Рассудите сами, ведь слова «было около десятого часа» непонятны. Во-первых, их убедительность для буквального благовествования представляет собой весьма сомнительную ценность. Ну на самом деле, для чего сии подробности тому, кому все и так просто?

Во-вторых, абсолютно неясно, к какому моменту относится уточнение относительно десятого часа: к тому ли, когда ученики стояли с Иоанном? К тому ли, как увидели идущего Иисуса? К тому ли, когда услышали нечто от Иоанна? К тому ли, как пошли за Иисусом? Или к тому, когда увидели, где Он живет? Или, наконец, к тому, как, пробыв у Иисуса один день, ушли? Или что же? Все — встреча, разговор с Иисусом и, самое главное, путь до Его жилища — произошло

в столь короткий срок? И еще остается непонятным: если ученики, встретившись с Иисусом около десятого часа, и расстались с ним ровнехонько через сутки, то почему, как во всех остальных случаях, об этом не сказано: пробыли у Него день тот и *ночь*? Ведь язык Библии не знает понятия сутки?

Упомянутая перегруженность совершенно бессмысленными с точки зрения буквально понимаемого благовествования, которая встречается и в других писаниях Иоанна,—вспомним хотя бы случай, когда «Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа» (Ин 4:6),—абсолютно несвойственна Иоанну, чью лаконичность мы отмечали и ранее. Например: «Многое имею писать вам, но не хочу» (2 Ин 12; 3 Ин 13). Сие безусловно означает, что написанное он считал существенным. В сем есть иносказание (Гал 4:24) и тайный смысл.

И еще. Не показалось ли кому-то из читателей, что единственные упомянутые Иоанном слова двоих — вопрос их Иисусу: «Равви, где живешь?» — не совсем естественны. Подумай сам, читатель, неужели ты именно так начал бы разговор с Иисусом, если бы тебе представилась подобная возможность?

Однако именно лаконичность и точность Иоанна оставила в Евангелии главнейший для ищущего мудрости (двойки) вопрос: Учитель, где живешь?

В отношении таких загадок плотскому «мыслителю» ничего не остается, как от всех этих вопросов просто отмахнуться. Однако для того, кто взирает в Писании не на смертоносные буквы, но ищет Духа животворящего, сей рассказ превращается в назидательнейшее учение того, как находящийся в беличьем колесе палингенезии (около десятого часа) человек, ища (где живешь?) Учителя мудрости (двое из учеников), благодаря безмолвию (Иоанн Креститель) встречает Христа и может пойти и найти, где Тот живет, и даже стать причастником единства (один день). Но на сем символика не кончается.

«Один из двух, слышавших от Иоанна [об Иисусе] и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона Петра» (Ин 1:40). Вторым, как принято считать, был сам автор Евангелия. Но был ли это и в самом деле Иоанн, не важно. Главное — что число учеников оказалось дополнено до двух. И еще важно — ни один ни другой, что совершенно ясно из Евангелия, не стали возвращаться к прежнему своему учителю, но, напротив, присоединились к Иисусу, чем окончательно обессмыслили букву повествования о том, что они пробыли с Иисусом *один* день.

К тому же вскоре Иоанн Предтеча оказывается заключен в темницу, а через некоторое время и *обезглавлен*! Вот каким чудесным образом оборачивается тема безмолвия (обрезания в духе) как этапа, предвещающего принятие Духа. Оказывается, для тех, кто нашел жилище истинного Учителя, невозможно прежнее полное безмолвие. Невозможен для них и полный пост. Миссия Иоанна заканчивается объявлением помазанничества Иисуса — с проявлением Учителя Христа в вас заканчивается и необходимость ученического поста: «Могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених?» (Мф 2:19).

Для того читателя, который понял духовный смысл образов, мы дадим такое не повеление, но позволение, — пусть оно не шокирует тех, кто духовного смысла чужд: когда Учитель Христос являет Себя в тебе, смело пленяй свое внутреннее безмолвие — Иоанна, заканчивай духовный пост, а после же, как испытаешь, что тот дух, который на тебе, воистину есть Дух Святой, окончательно лишай его жизни, но не побивай камнями (закона), а обезглавь — он не сотворит более никакого чуда, но то, чему он послужил, — истинно:

«[Иисус] пошел... на то место, где прежде крестил Иоанн, и остался там. Многие пришли к Нему и говорили, что Иоанн не сотворил никакого чуда, но все, что сказал Иоанн о Нем, было истинно. И многие там уверовали в Него» (Ин 10:40–42).

Несколько шокирующие рассуждения о символике, связывающей Иоанна Предтечу-крестителя с Христом, безмолвие с явлением жениха, водное крещение с исполнением Духом, нельзя почесть полными без такого фрагмента Филиппа: «Помазание выше [водного] крещения. Ибо благодаря помазания мы были названы христианами, — не благодаря крещению. И Христос был назван благодаря помазанию... Тот, кто помазан, обладает всем, он обладает воскресением, светом, крестом, Духом Святым» (Филипп 95). Если мы примем сказанное за истину, то тут же спросим: А кто обладает лишь водным крещением, да и то лишь по плоти, чем обладает и кем может называться?

«Слушай с языческим твоим сердцем!.. Будешь ли когда-то человеком? Не будешь! Почему? Потому что на плотскую завесу засмотрелся... Лишены славы Божией, научились мы судить... по плоти. Таким образом и на Самого Христа смотрим. Одни только пустозвонства на Нем примечаем» (Г. С. Сковорода. Диалог. Имя ему — потоп змиин 6). Так что, христианством ли назвать то, что без Духа, вместо Которого одно только пустозвонство о Христе? Это не риторический вопрос, читатель! И мы на него ответим, придет время.

К выводам, сделанным нами в начале этой главы, мы можем подойти и еще с одной стороны. Ведь до явления Христа имело законную силу обрезание. Но «вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа» (Гал 5:2). Надеемся, не надо пояснять, что Павел говорит не об обрезании по плоти. От него и так нет иной пользы, кроме как воспоминания об обрезании истинном.

6

Ни в коей мере не относясь к нигилистам и обращая поэтому внимание на то, что *есть*, дабы сделать положительные утверждения, мы не можем обойти и того, чего *нет*. Но не для того, чтобы вынести отрицательные суждения, но дабы из этого получить пользу и разумение. Так о чем же мы говорим? Чего же такого *нет*, что послужит нам к назиданию? А *нет* ни одного слова, написанного Иисусом на бумаге. Причем не просто нет в дошедшем до наших времен виде, но вообще нет. И Евангелия не содержат даже смутных намеков, что Иисус писал что-то, могущее быть переданным учениками далее. Разве что Господь был неграмотен?..

Нет!!! Есть же описание того, как Иисус «наклонившись низко, писал перстом на земле» (Ин 8:6–8), но это к нашей нынешней теме не относится, ибо такое писание даже теоретически не могло дойти до потомков. Так надо ли нам печалиться об отсутствии писаний Иисуса или так оно и должно быть?

Вопрос этот — чисто риторический, как, надеемся, понимает читатель. Для того же чтобы окончательно уразуметь, что писаний Христа не могло быть, стоит *представить* себе ситуацию, когда вместо писаний Иоанна и Матфея, Павла и Петра мир обладал бы подлинными рукописями Иисуса из Назарета...

Задуматься здесь стоит, конечно, не о том, что Новый Завет в том виде, в каком мы его имеем, оказался бы совершенно обесцененным, но о том, сколь великим, вряд ли вообще с чем-либо сравнимым, предметом соблазна были бы эти письмена, в особенности если бы они были подлинны. Ведь если бы сии писания даже всею возможною силою призывали к обращению ко внутреннему источнику научения, то сами же они и затмевали бы все призывы и становились бы грандиозным источником научения внешнего. Потому-то Иисус и не написал ни строчки. Потому-то и обращаемся мы к писаниям Апостолов, дабы, получив через них наставление в вере, обратиться к истинному Учителю, Который не будет, как грешный человек, писать

на бумаге чернилами, но напишет прямо в сердце. И если хотите, великая тайна и символика заключены в том, что Иисус не писал пером. Читайте у себя в сердцах! Вот — назидание! «Вы показываете собою, что вы — письмо Христово, через служение наше написанное не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца» (2 Кор 3:3).

А еще одно, меньшее назидание — в том, что, дав волю нашему воображению, мы пришли к выводу, что не стоило того делать. И лучше миром Христовым волнение нашего воображения успокоить.

6.1

Ведя рассуждения о помазании Духом Святым и о научении у внутреннего Учителя — Христа, мы фактически вновь говорили об откровении Духа Святаго. Тут мы должны вернуться к вопросу, оставшемуся до некоторой степени неясным из наших предыдущих рассуждений. Речь идет о словах Иоанна: «Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они» (1 Ин 4:1). Действительно, нельзя же первое свое побуждение, идущее изнутри, почитать за откровение Святаго Духа, за научение от Христа. Да для многих таковым первым побуждением, как и для Николая «чудотворца», является желание съездить ближнего по физиономии.

В подобном и многих других случаях бывает затруднительно воспользоваться советом Иоанна: «Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста» (1 Ин 4:2–3). Тем не менее это правило остается *первым* при исследовании духов.

Для многих из тех, кто хочет остаться неоскверненным от духов нечистых, от духа антихриста, не намного более ясны и слова о том, что отвержению подлежит откровение, которое исходит от «духа мира сего» (1 Кор 2:12), «духа рабства» (Рим 8:15), от «того, кто в мире», откровение тех, «которые говорят по-мирски», и которых «мир слушает» (1 Ин 4:5). Как критерий определения истинности по признаку того, что хочет и чего не хочет слушать мир, Иоанн и пишет: «По сему-то узнаем духа истины и духа заблуждения» (1 Ин 4:6). То есть понятно, что если дух зовет обратно в рабство плотского понимания, то верить такому духу не стоит.

Понятно и то, что слова, за которыми пойдут многие миллионы, и есть те, которые имеют своим источником «того, кто в мире», иными словами, по сему признаку легко отличить заведомую ложь. Это мы вправе считать *вторым* правилом, хотя простая обратно пропорциональная зависимость здесь не проходит. Ведь не станем же мы утверждать, что чем меньше последователей находит какая-либо идея, тем святее и истиннее ее источник. Поэтому применение критериев Иоанна для определения истинности источника откровения весьма сильно затруднено, в чем, однако, нет ничего странного, иначе все было бы слишком *просто* и не требовало бы прозрения ума. Сие мог бы осилить и ум ослепленный, находящийся под покрывалом.

Однако внимательный читатель должен был запомнить и иной способ определения истинности откровения, каковая тайна заключена в евхаристии: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную... Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь, пребывает во Мне и Я в нем... ядущий Меня жить будет Мною» (Ин 6:53–57).

Мы достаточно сказали о роли вина, то есть Крови Христа, в переваривании хлеба, то есть Плоти Сына Человеческого, но в евхаристии есть и еще одна тайна: хлебом можно проверять качество вина, учением можно проверять откровение — от Бога ли тот дух, который принес сие откровение.

6.2

Ну вот, теперь пришла пора привести какой-нибудь пример, назидательное уподобление, одним словом, притчу. Излагая такую притчу, мы не можем пользоваться библейскими примерами без риска обвинений в подгонке. Не можем мы на сей раз воспользоваться и какой-то нехристианской притчей, ибо те, кого мы обличаем, и без того считают любое нехристианское знание сомнительным. Посему возьмем пример из церковной истории. Он будет весьма назидателен.

Вспомним время, предшествующее Никейскому собору, Рим, императора Константина и то, что подвигнуло его на издание «исторического»¹ Миланского эдикта (313). Вспомним события, которые, по словам М. Э. Поснова (воспользуемся и в дальнейшем повествовании его помощью), «поставили Христианскую Церковь под защиту государства, после чего Христианская Церковь мало-помалу достигла и господства».

В то время в Римской империи было два главных правителя, соперничавших между собой: Максенций и Константин. Столкновение между ними было неизбежно. Максенций задумывал поход против Константина, и Константин, стремясь упредить засевшего в Риме врага, решил предпринять поход первым. Поход, в основе которого первоначально лежали чисто политические, то есть мирские, соображения вскоре приобретает религиозный характер (по словам Поснова, — хорошо, что он не добавляет слов о духовности).

Константин мог взять в поход против Максенция только четвертую часть всей своей армии — около 25 тысяч войска. У Максенция, засевшего в Риме, войска было в несколько раз больше: 170 тысяч пехоты и 18 тысяч конницы. По человеческим соображениям задуманный при таком соотношении сил и положении полководцев поход казался просто безумием.

И вот Константин получает удивительнейшее знамение, как утверждают, от Бога: «Однажды в полуденные часы дня, когда солнце уже начало склоняться к западу, — говорил царь, — я собственными очами видел составившееся из света и лежавшее выше солнца [подробности, не оставляющие сомнений во внешнем характере сего «научения»] знамение креста, с надписью „Сим побеждай“». Это зрелище объяло ужасом как его самого, так и все войско, которое, само не зная куда, следовало за ним и продолжало созерцать явившееся чудо. Так и под таким впечатлением от видения совершился переход из Галлии к стенам Рима. Перед битвой с Максенцием Константину было сновидение, в котором он получил внушение изобразить на щитах небесное знамение. И император выполнил это повеление, начертав на них знак имени Христа таким образом, что он представлял подобие буквы Х, пересеченной вертикальной линией, верхний конец которой был изогнут в виде Р, или прикрыт другой скрытой линией: Р.Х. И еще об этой истории написано: «И вот видит он [Константин] во сне на небе, с восточной стороны, огненный и сияющий знак креста. Когда он еще не освободился от ужаса, его поразило новое явление. Он увидел пред собой Ангелов, говорящих: „Константин, сим победишь“».

Битва произошла 28 октября 312 года. Максенций, вопреки всем стратегическим соображениям, вышел из Рима, занял неудобную позицию и был разбит.

Пре-*лест*-нейшая, вос-*хит*-ительнейшая история, правдивость которой мы ни в коей мере не собираемся ставить под сомнение. Однако же того, что в сей истории можно поставить под сомнение, никуда не деть. В этой истории можно было бы придаться к числу знамений, полученных Константином, а таковых было *четыре*: во-первых, составившееся из света, лежавшее выше солнца знамение креста с надписью «Сим побеждай»; во-вторых, знамение

¹ Существование Миланского эдикта подтверждается только косвенными свидетельствами.

буквы Х, пересеченной вертикальной линией, изогнутой в виде Р; в-третьих, огненный и сияющий знак креста с восточной стороны на небе и, наконец, в-четвертых, ангелы, говорящие: «Константин, сим победишь».

Но вспомним Павла, писавшего: «Я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира» (Гал 6:14). Обращаем внимание, что для Павла ценен не просто крест, но крест Христов, и ценен сей крест потому, что он служит орудием казни мира для человека и орудием казни человека для мира. Используя сие орудие, способный быть совершеннолетним по уму (ср. 1 Кор 14:20), способен отделить себя от мира. Для младенца же по уму крест представляется — а диавол умело, с гораздо большим успехом, нежели искушая Христа (Мф 4:8–9; Лк 4:5–7), этим пользуется — орудием умножения обладания всеми богатствами мира сего, орудием достижения успеха и славы в мире сем. Причем не просто успеха, но успеха военного (!!!), успеха, ценой коего были кровь и смерть. И нам предлагается думать, что гарантом подобного военного успеха при посредстве Иисуса Христа был Тот, Кто назван Богом мира и любви (Рим 15:33; 16:20; 1 Фес 5:23; Евр 13:20)?! Позволь, читатель, с этим не согласиться. Таким гарантом мог быть только князь мира сего.

Нам, конечно, могут возразить, напомним, что Бог останавливал солнце и луну (Нав 10:12–13), когда это требовалось для праведной победы в битве. Мы согласимся с такой возможностью, но при этом в свою очередь сделаем скучное напоминание, что Писание надобно понимать духовно в особенности тогда, когда персонажи Библии разбивают о камень младенцев и творят другие не укладывающиеся в рамки плотского воображения «подвиги», которым по плоти более подходит определение «зверства». Кроме всего Ветхий Завет — завет страха, Новый же — завет любви. О большем не стоит повторяться.

А что касается Христа, то Ему гораздо более приличествуют слова: «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас» (Лк 6:27–28), чем: «Сим победишь». Но даже дав полностью себя одурочить, никуда не уйти от вопроса: если за победой одного политического авантюриста над другим действительно стоял Христос, то куда же делась магическая сила сего знамения при обороне от турок города, названного именем «равноапостольного» Константина, города, являвшегося столицей государства, в коем Восточная церковь занимала господствующее положение? И куда вообще канула Византия? Не сыграли ли Константиновы знамения с ними соблазнительную, но все-таки злую шутку, могущую напомнить поведение профессионального карточного шулера, сперва заманивающего простака легким выигрышем, а затем обирающего его до нитки? И не того же ли самого соблазна жертвою пали те, кто вооружившись по примеру Константина знаком креста и мечом, шел обращать другие народы в Средние века? Да что там языческие народы... Не под мечами ли тех, кто также изобразили на своих мечах крест — западных крестоносцев, пал и был жестоко разграблен в 1204 году Константинополь? Неужели же за всеми этими политическими вождениями мог стоять Иисус Христос?

Одним словом: «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас... Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мф 24:4, 24). Хотя, конечно же, Константин никакого отношения к избранным не имеет, даже числясь среди «равноапостольных святых». Гораздо более ему подходят такие слова: «Род лукавый и прелюбодейный *знамения* ищет, и знамение не дается ему» (Мф 16:4). Вот это и есть самая лестная характеристика Константина.

В ходе проверки учением Иисуса источника откровений и знамений тех, «которые называют себя апостолами, а они не таковы... [но] они лжецы» (Отк 2:2) и «сборище сатанинское» (Отк 2:9), мы находим то, что может послужить убедительным и в отсутствии других аргументов: «Слово

о кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых,— сила Божия» (1 Кор 1:18). При сем заметим: за вычурным словом «юродство» скрывается греческое слово *μωρία* (*мория*)—элементарная *глупость*. Так что слово о кресте для погибающих — глупость есть. И крест для них — соблазн, упомянутый Павлом (Гал 5:11). И удивляться этому не приходится, ибо для нечестивого и неразумного любое благо обращается соблазном — даже крест и крестная смерть Христа.

6.3

Рассказывая печальную историю Константина, как и ранее в случае с самозванным Дионисием или Николаем, мы не хотели, чтобы читатель понял нас в том смысле, что мы осуждаем одного, или другого, или третьего. Как можно их судить, если они не ведали, что творили, если они не имели своей воли для выбора истинного пути, если они были инструментом осуществления обетования Господня о приходе соблазнов, о неприятии здравого учения, если они были лишь инструментом того, чтобы остальные отвратились от пути истины и обратились к басням (ср. 2 Тим 4:4). И мы, обличая сих великих — не по собственной, но по Божией воле, — соблазнитель, более сожалея о них как о соблазненных, ненавидим не их самих, но дела их, как дела николаитов, которые и Господь ненавидит.

Другое дело, если кто-то из читателей воспринял сии обличения на свой счет и обиделся или вознегодовал. Если такое случилось, то такому человеку лучше всего посоветовать — хотя станет ли он нас слушать — обратиться к своей совести с вопросом: не потому ли я вознегодовал и обиделся, что сам имею в себе то, на что обиделся? Ведь когда мудрому, если он действительно мудр, кто-то скажет, что он глуп, он же глупее не станет и не обидится. А если обидится, то он и вправду не вполне умен. Подобно тому, когда христианин, имеющий на себе Духа, считает себя чистым, то что ему и обижаться на хулителей, наоборот, надо радоваться! Если же обиделся, то совесть нечиста.

Что же до нас, то мы не по собственной воле обличаем Константина, Иринея, Николая, Тертуллиана и прочих, и вовсе не из-за того, что ненавидим их. Господь им судья. Единственная наша задача — показать безумие почитания их за святителей, чудотворцев, равноапостольных или каких бы то ни было иных святых. Они все вместе взятые не могут и миллионной доли того, что могут дать Отец, и Сын, и Дух Святой.

6.4

История, подобная той, что приключилось с Константином, весьма поучительна в смысле разумения необходимости исследовать духов, однако от практического опыта нашего читателя она весьма далека, ибо вряд ли кому-то предстоит воевать, командуя армией целого государства. Однако то, что кому-то из слушающих нас будет дано некое откровение, более вероятно. А уж в том, что нашему читателю попадались в руки сочинения, навеянные по утверждению их авторов Святым Духом или переданные через так называемых медиумов послания великих учителей и святых, — мы просто не сомневаемся. Что же сказать об этом? Отвергнуть ли огульно явление такого рода духовности? Разве нельзя считать медиумами пророков, передававших слово Божие?

На самом деле уже в поставленном вопросе содержится ключ к ответу. Во всяком случае, ключевое слово. Таковым ключом является сочетание «Слово Божие». Ибо в отношении Слова медиумизм не несет в себе явных отрицательных черт, конечно, если это действительно Слово Божие, а не пытающийся выступать под этим именем дух нечистый. Проблема эта, как видим, остается.

Но мы можем решить другую, ибо есть источники, которые даже не пытаются предстать под именем Слова, и вот они-то вызывают, говоря осторожно, некоторое сомнение. Поэтому если кто читает послания тех или иных людей из «загробного мира», то к ним нужно относиться с особой осторожностью, независимо от ранга святости их названных авторов, постоянно сверяя сказанное в них со Священным Писанием. Как нам относиться, например, к посланиям Павла, или Петра, или Фомы, или Марка, полученным после их смерти? Не отвечая на этот вопрос, зададим другой: А что бы вы сказали, если бы Павел, или Иоанн, или Иаков писали от имени Исаии, Иеремии или Моисея? — Да мы тогда не поверили бы даже тому, что они подписали своими именами.

И уж совсем на пределе допустимого с точки зрения исследования лежат послания духов, всенепременно задиктовывавших свои послания с буквальной точностью, а то и вовсе передававших свои откровения в «автоматическом режиме», сводя роль медиума исключительно до бессловесного и бездушного приемного устройства.

Что дает нам право высказывать такие суждения? И в суждении — не переходим ли мы той грани, за которой — осуждение? Ответ на этот вопрос заключается в опыте Апостолов, выраженном в Священном Писании. Ведь нельзя же предположить, что Иоанн, писавший: «Многое имею писать вам, но не хочу на бумаге чернилами» (2 Ин: 12) — писал так в автоматическом режиме. Нельзя допустить и того, что Павел, признававший свое несовершенство в слове, считал бы сей недостаток хоть сколь-нибудь заслуживающим упоминания, если бы его задача состояла лишь в том, чтобы перенести на бумагу «ясно» слышимые слова. Да нет же, он слышал «неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор 12:4).

7

Итак, в рассуждениях о том, как сохранить себя от духов нечистых и бесов, мы сказали и о хлебе, и о вине. Но теперь мы сможем сделать и весьма важное уточнение, касающееся того, что уже сказано нами по поводу идоложертвенных яств, предварительно рассмотренных нами в первой книге. Тогда мы не могли найти ничего лучшего, чем сказать, что такое знание, которое не имеет ничего общего с Единым Богом, словом Его и Духом Святым, должно считаться идоложертвенным. Теперь же мы скажем иначе:

Идоложертвенные яства суть такие учения,
которые то ли прямо учат об экстермальности Бога
или Его Слова, то ли предполагают двойственность Его
проявления, допуская в числе прочего возможность
экстернального контакта с Богом.

Обратим внимание на ту особенность идоложертвенного, что, как мы и ранее писали, его крайне трудно отличить от чистого. Более того, даже чистое можно осквернить, обратив на пользу идолам. Взять хотя бы Священное Писание — скольким идолам пытались и продолжают пытаться принести ее в жертву!

Напомним теперь фрагмент, где Павел повествует об идоложертвенном.

«О идоложертвенных [яствах] мы знаем, потому что мы все имеем знание; но знание надмевает, а любовь назидает. Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать. Но кто любит Бога, тому дано знание от Него. Итак об употреблении в пищу

идоложертвенного мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого... Но не у всех такое знание: некоторые и доныне с совестью, [признающую] идолов, едят [идоложертвенное] как жертвы идольские, и совесть их, будучи немощна, оскверняется» (1 Кор 8:1–7).

Что для нас значат эти слова на новом витке исследования идоложертвенного? — Все предельно просто: мы знаем, что божественный источник истинного научения находится внутри. Достигается сие научение через смирение и любовь. Любовь назидает, ибо, кто любит Бога, тому дано знание от Него. Но какая любовь обладает столь назидательным потенциалом? Неужели благодарная любовь авантюриста, смогшего «божией» помощью увеличить свое господство в мире? Неужели любовь разбившего себе во время молитвы лоб юродивого? Теперь-то мы умеем различать любовь истинную от любви в духе третьего отречения Петра. Если же мы любим Бога, но не истинно, либо же любим того, кто только кажется нам Богом, то никакого назидания ожидать не приходится.

Но разве тот, кто любит Бога, «хотя и не по истине и не по правде» (Ис 48:1) не имеет знания? — Конечно имеет. Но сие-то и есть то знание, которое надмевает, — а чего же еще ожидать от духов нечистых, извне? Итак, мы знаем, что есть истинный источник учительства и правды, находящийся внутри и достижимый через истинную любовь, но есть иные источники знания вовне. Сие знание несовершенно *a priori*, и тот, кто научается внешним образом и думает, что знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать. И мы теперь знаем, что Бог находится внутри, и от Него мы и научаемся при посредстве Господа Христа.

Но не у всех такое знание, ибо многие считают, что Бог находится на небе, в церкви или в лучшем случае во всем. Всех их роднит одно — они не хотят видеть Бога в себе и, как следствие, и научение воспринимают только то, которое исходит извне. Иначе говоря, они имеют сознание, стремящееся не к Богу, а к идолам. Им чужды учения об истинном жилище Бога — чистую пищу они не хотят вкушать. Но они изучают то, что обращает вовне, к идолам, — едят идоложертвенное именно как жертвы идольские, и совесть их, будучи немощна, оскверняется.

Конечно, и мы вкусили сей пищи, но только с сознанием, что идол в мире ничто и что нет иного Бога, кроме Единого. И зная, что Бог внутри нас, имея истинное научение, мы могли не бояться скверны внешнего знания, воспринимали и внешнее, идоложертвенное как ничто. А для тех, кто и помимо нас знает о том, что любое учение, не исшедшее из сердца — ничто, Павел и сказал: «Все, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести; ибо Господня земля, и что наполняет ее. Если кто из неверных позовет вас, и вы захотите пойти, то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести... Совесть же разумею не свою, а другого: ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью?» (1 Кор 10:25–29).

7.1

Однако и тут нам не удастся поставить точку в теме идоложертвенного. Очередной виток возвращения к теме идоложертвенных яств не может не коснуться взаимоотношений богодухновенного текста Священного Писания с человеческими языками. Чуть более точно — проблемы перевода богодухновенного текста с одного человеческого языка на другой.

Собственно, нам не придется начинать с самого начала, ибо в главе, посвященной странностям Священного Писания, мы уже обмолвились о принципах и сложностях перевода такого рода текстов. Мы тогда говорили о том, что в некоторых странностях Библии не следует искать тайного смысла, ибо они вполне объясняются духовным неразумием и нерассудительностью переводчиков. Необходимость продолжения этого разговора не должна быть сюрпризом для

читателя. С другой стороны, объясняя, каким образом проблема перевода Писания может оказаться связанной с темой идоложервенного, мы вынуждены будем возвращаться к некоторым высказанным ранее мыслям, к чему, впрочем, читатель тоже привык. Будет ли, однако, вывод, который мы сделаем столь же привычен, — об этом читатель будет судить самостоятельно.

Итак, мы и раньше говорили, и сейчас повторим, что Богопознание настолько сложно для человека, что он, будучи ленив разумом и немошен плотью, подменяет истинное Богопознание человеческими учениями и преданиями. Имея некое несовершенное и неполное познание о Боге, он катафатически и апофатически домысливает остальное, пребывая в человеческих рассуждениях, которые часто оборачиваются заблуждениями. Мы говорили о таких придуманных человеком качествах Бога, как нераздельность и неслиянность Отца, Сына и Духа, совсем недавно говорили мы и о таком качестве, как непознаваемость Бога. Мы намекали, что подобные имена являются не чем иным, как именами богохульных.

Но на ту же проблему можно взглянуть и чуть иначе. Ведь даже не говоря о богохульстве ложных имен, мы видим картину, когда человек вместо познания Бога занимается сотворением бога по своему подобию, точнее, по подобию своего разума. Как говорил один известный философ: «Если бы Бога не было, то следовало бы его выдумать». Бог, рожденный из выдумок домыслов, конечно не может быть Богом — в действительности он оказывается *идолом*, которому человек хочет поклоняться. Впрочем, и об этом мы тоже говорили.

Как же все сказанное связано с переводом Библии? — Весьма тесно связано. Ибо Библию не станет переводить тот, для кого спасение и искупление — пустые слова. Переводом Библии занимаются христиане. Но, конечно, не вообще христиане, а представители различных направлений христианства. Хотят они это признавать или нет, но встречаются случаи, когда формулируя смысл исходного текста, они придают ему такую форму, которая способствует восприятию читателем именно их домыслов о Боге. Достигается это весьма простыми приемами.

Насколько просто, например, манипулировать высотой букв. «Он», «Его», «Сам», «Свой», «Который» — ясно же, что это написано не о простом человеке, и даже не пророке и не об ученике Христовом. Ясно, что так писать можно только подразумевая либо Отца, либо Сына, либо Дух Святой. Но Кого конкретно? А для тех, кто желал бы приписать Богу качества нераздельности и неслиянности, нет до этого дела. По их разумению так даже вопрос нельзя ставить. По их представлению Писание должно способствовать укреплению их домыслов. Если же возникает опровергающий или ставящий под сомнение их выдумки фрагмент, то ради дела чего не сделаешь — можно заменить прописную букву на строчную.

Там, где им удобно, они введут в богодухновенный текст постороннее слово (ср. 2 Кор 11:3), изменяющее смысл на противоположный. Или заменят «их» на «наш» (ср. Отк 11:8). Но там, где это им не желательно, они не введут очевидных пояснений, оставив соблазн. Так, например, сделано в стихе, говорящем о «благодати Бога нашего и Господа Иисуса Христа» (2 Фес 1:12), свидетельствующем тем самым якобы о том, что Господь Иисус Христос и Бог — одно лицо. Подобным образом и в посланиях к Тимофею эти имена стоят рядом без каких-либо пояснений: «Бог и Господь Иисус Христос» (1 Тим 1:1; 5:21; 2 Тим 4:1), что многим дает основания полагать, что Бог идентифицируется с Господом Иисусом Христом. Подобные явления способствуют укреплению ложных троичных представлений. Между тем в остальных двадцати семи случаях Павел перечисляет Эти имена так: «Бог Отец и Господь наш Иисус Христос» (напр., 1 Кор 8:6; 1 Фес 1:1; 1 Фес 3:11; 2 Фес 1:1; 2 Фес 2:16).

Таким образом, богодухновенный текст, чистейшая пища, приносится в жертву сотворенному человеком идолу, ведь ложное представление о Боге и есть идол. Конечно, вводящий в заблуждение перевод есть принесение чистой пищи в жертву идолам, но, как легко видеть, ложное толкование правильного перевода — то же самое.

Итак, Библия может быть принесена в жертву идолам и стать тем самым идоложертвенным яством. (Кто может это слушать?) И заметьте: ни одна книга не вызывала столько внешних разделений и насильственных форм утверждения «истины» вплоть до войн, как Библия.

При этом еще раз напомним, что идоложертвенная пища неотличима от чистой по внешнему виду. В том-то и заключена ее опасность.

Так что же нам делать, неужели переводы Библии нельзя читать? Неужели возможно требовать богодухновенности перевода? И разве провозглашение Вульгаты* богодухновенным переводом решило проблему? Или неужели тщательнейшее изучение греческого языка избавит читателя от соблазна? В особенности последний вопрос возвращает нас к главной проблеме — пониманию смысла священного текста. Ведь чуть не для всех николаитских «отцов» греческий был родным, но это не сохранило Писание чистым в их чреве.

Где же выход? — А он вновь в хорошо знакомых читателю словах Павла: «Об употреблении в пищу идоложертвенного мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого» (1 Кор 8:4). То есть, если Бог — нечто иное, то это идол. И «у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им» (1 Кор 8:6). Дальше можно продолжать как по писаному: «Но не у всех такое знание: некоторые и донныне с совестью идолов, едят [сей хлеб] *как жертвы идольские*, и совесть их, будучи немощна, оскверняется» (1 Кор 8:7).

То, как мы связали Писание с идоложертвенным, дает нам возможность и предыдущие стихи прочесть соответственно: «Знание [писаний] надмевает, а любовь назидает. Кто думает, что он знает что-нибудь [о Боге из Писаний], тот ничего еще не знает так, как должно знать. Но кто любит Бога, тому дано знание от Него» (1 Кор 8:1–3).

«Итак, возлюбленные мои, убегайте идолослужения... язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу. Но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами. Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую, не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской» (1 Кор 10:14–21). Иначе говоря, нельзя получать откровение и от идолов извне, и от Духа Святого, нельзя всерьез воспринимать учения о внешнем Боге. «Неужели мы [решимся] раздражать Господа? Разве мы сильнее Его?» (1 Кор 10:22).

8

И все же гораздо больше, нежели можно себе представить, тех, кто не имеет мудрости, не имеет помазания Духом Святым, не имеет благодати Божией. Таким людям еще в XIV веке ответил в «Духовных проповедях и рассуждениях» Мейстер Экхарт: «Многие говорят, что не имеют благодати Божией! И я отвечаю: мне очень жаль. Но мне еще более жаль, если ты и не томишься по ней. Уж если вы не имеете ее, то хотя бы томились о ней! Если же и томления нет, то пусть томятся по томлению! Дай нам Бог так томиться по Господу, чтобы это заставило Его Самого родиться в нас! Аминь».